L4D4O

КАРТА СУМРАКА

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

L4D4O

Карта Сумрака

«Автор»

2026

L4D4O

Карта Сумрака / L4D4O — «Автор», 2026

168 глав чистого нерва, музыки и безумной фантасмагории. Главная точка встречи героев «Угля» и «Пляски Софи»!В мире конца семидесятых молодежь сходит с ума по симуляциям, но Роберт Сумрак умудрился застрять в своей собственной голове. За плечами — Афган, драки на БАМе, панк-сцена и призраки прошлого. Чтобы выжить, он тратит всё на виртуальную ассистентку Фугу — язвительную девчонку с характером дикой кошки, которая слишком быстро становится реальной.А дальше начинается «Карта Сумрака»: скачки по уровням памяти, песни на разрыв аорты, страсти сына Роберта в мире будущего, где киборги пьют ацетон, и грандиозный финал, в котором XVIII век, Нора, Безликие, Софи и сами создатели этой вселенной встречаются за одним столом.Книга-лабиринт, пронизанная авторскими песнями, иронией и болью, где в финале падают стены между веками, а вымысел и реальность меняются местами.

© L4D4O, 2026
© Автор, 2026

L4D4O
Карта Сумрака

Книга 1

Часть 1

Пролог

Поезд медленно подплывал к конечной станции Тайшет. Я сидел отрешённо, глядя в окно. Сверху свисали ноги Эдика. Однообразный зимний пейзаж. Кто-то рассказывал: да тут и летом смотреть не на что.

— Зачем я сюда приехал? — подумал я. — Зачем?

— Роберт, а у твоих друзей можно будет заночевать? — спросил Эдик.

— Думаю, да. Только не друзья они мне, так, знакомые, — ответил я не своим сухим голосом, утопая в воспоминаниях.

Я был влюблён в Оксану со школы. Правда, я узнал об этом, когда школа уже закончилась. В школе она меня раздражала, особенно в те моменты, когда давала мне понять, что я ей нравлюсь. Как правило, я ей отвечал что-то дерзкое и неуместное. Вскоре жизнь всех разбросала, наступило 1 сентября, для кого-то новый учебный год, но не для нас. Я вдруг осознал, что пропустил что-то важное в жизни, но самое страшное — я признался себе, что я люблю её. И всегда любил. Этим же вечером пришла повестка в армию.

В вагоне заработало радио.

«Говорит радиостройка БАМа! Товарищи! Величественная Байкало-Амурская магистраль — стройка века, гордость нашей Родины — ждёт ваших сильных рук, светлой мысли и горячего сердца! Вы — поколение созидателей! Именно вам выпала честь прокладывать стальные пути сквозь вековую тайгу, через горные хребты и широкие реки. Там, где ещё вчера была глушь, завтра вырастут новые города, задымят заводские трубы, зазвучит смех детей — и всё это благодаря вашему труду…»

Поезд остановился.

Покинув вокзал, мы направились к моим знакомым. К нам прицепился ещё и старый приятель Эдика, Фарид.

— Не возражаешь, если мы Фарида с собой возьмём? — спросил Эдик.

Я пожал плечами, взвалил баулы на плечи и, сделав шаг в неизвестность, снова провалился в воспоминания.

Я отслужил в армии. Прошёл Афган и остался жив. Совершенно случайно узнал, что она вышла замуж, уехала на БАМ, успела развестись, но пока не планирует возвращаться. Какая-то сила привела меня в её родительский дом — маленькую квартирку в старом доме на окраине города. Дверь открыла её мать, увидев меня, бросилась мне на шею. Она ждала Оксану со дня на день и обещала мне сразу же позвонить.

Жильцы по указанному адресу сообщили, что мои знакомые полгода назад вернулись на большую землю. Мы уже собрались было уходить, но глава семейства согласился приютить нас на ночь, если мы накроем стол. Мы скинулись по червонцу. После непродолжительного застолья нам постелили на полу. Когда Эдик и Фарид уснули, глава семейства, Николай, кивнул в их сторону и сказал:

— Скользкие ребята. А тебе предлагаю работу в нашем местном депо.

Я поблагодарил, сказав, что меня на БАМе ждёт девушка.

Долго не мог уснуть, всё думал о ней.

Через три дня она позвонила сама. Я примчался к её дому. Вселенная не увидела встречу двух влюблённых. Она выставила вперёд правую руку и сказала: «Не подходи, я заразная». Я

подошёл и обнял её. Она попыталась вырваться, тщетно, заплакала, повисла на моих руках. Вышли соседи. Её мать попросила меня уйти.

Ночью она позвонила, извинилась за истерику, рассказала про гонорею, теперь это и меня касалось. Я хотел сказать ей, что люблю её и всегда любил, но подумал, что сейчас не время. Мы договорились встретиться утром в больнице.

Я так и не уснул до утра, услышал, как проснулся Николай, подошёл ко мне, спросил:

— Не спишь? Пойдём покурим?

Мы вышли полураздетые в мороз, закурили. Он спросил:

— Надумал?

Я кивнул.

— Вот и хорошо. Права есть?

— Нет.

— Сделаем. На шишиге ездил когда-нибудь?

— Да, в армии.

— Где служил?

— В Афгане.

— О, наш человек, а я во Вьетнаме. Собирайся, буди своих, только в дом мой их больше не приводи. Скользкие ребята. Сегодня готов работать? Я к тому, что ты не спал ночью. Вот и отлично. К вечеру тебе общагу выбью. Вещи свои потом заберёшь. Не благодари.

Прошло около часа. Мы расстались на перекрёстке. Эдик и Фарид пошли своей дорогой, а я своей. Николай шёл впереди по узкой зимней тропе, насвистывая знакомую мелодию, я плыл за ним, весь в своих думах.

Она пробыла дома около недели. Мы встречались почти каждое утро. Гуляли. Я ни о чём не спрашивал её, она ничего не рассказывала. И только в последний день её прорвало. Её муж проиграл её в карты некоему Борману, так она перешла в статус разведённой женщины, а позже добавила: Борман страшный человек, но больше тебе ничего не скажу. Вечером позвонила её мать, сказала, что Оксана уехала.

Глава 1

«Они думали, что безоружный обречен лишь на покорность. Они забыли, что праведная ярость способна выковать меч прямо из осколков разбитого сердца».

(Записки беглеца из Эллады)

Спустя полгода я подъезжал на своей шишиге к посёлку, где работала Оксана. Сердце бешено билось. Я боролся с чувством невыносимой тоски и одновременно испытывал благоговение, произнося её имя. Посёлок мне сразу не понравился, особенно его обитатели. Я увидел Эдика, Фарида, кивнул им, но те не подали виду. О, подумал я. Здесь свои правила, поиграем по вашим правилам. Я оставил шишигу прямо посреди поселка, оставив дверь открытой, не заглушая двигатель, направился к Эдику, взял его за запястье, сильно сжал, пока не послышался хруст — он осел, но я не дал ему упасть.

— Чё не здороваешься, не признал, что ли... Где Борман?

— Я не знаю... Оох... Домик у оврага, — я отшвырнул его.

Подбежал Фарид, протягивая обе руки:

— Здравствуй, Роберт.

— Сгинь.

Я быстрым шагом вернулся к шишиге, включил задний ход, спустился к оврагу, вышел из машины, зашёл в домик.

За столом сидел мужчина лет сорока, сверкая золотым ртом, плотного телосложения, взвешивал пробы.

— Ты Борман?

— Ты кто, выпертыш?

Резкий выдох, удар правой ногой в челюсть, прижимаю левой рукой его голову к столу, правой рукой запихиваю ему в рот вылетевшие золотые протезы.

— Твои спиздили телефонный кабель, завтра пусть вернут, если не вернут, завтра здесь будет пустыня Сахара.

Я не спал всю ночь, мой сосед сильно храпел, но я был благодарен ему. Ходил из угла в угол по комнате, анализировал ситуацию, курил.

Когда Николай попросил съездить на 33 участок, разобраться, почему те без спроса взяли кабель, который предназначался для 56 участка, я обрадовался. Это шанс, думал я, разворошить это осиное гнездо. Я прилёг и начал засыпать к утру. Сосед проснулся, колдовал с чаем, в дверь постучали.

— Вань, открой, пожалуйста, — попросил я, а сам не вставая с кровати отстегнул щеколду оконной рамы так, чтобы если что, успеть выпрыгнуть в окно.

На пороге стоял Николай.

Я быстро оделся, вышел и проследовал за ним. Возле вахтёра он свернул не к выходу, а в сторону складских помещений, мы оказались в хорошо просматриваемом холле. Он подошёл и обнял меня.

— Начальство вызывало меня на ковёр. Все ошарашены тем, как ты это сделал. Здесь хоть и тайга, слухи быстро доходят. Что мы имеем? Кабель вернули, теперь враг (поздравляю, у тебя теперь есть враг) будет искать твои слабые места. Скажи мне честно, у тебя есть слабые места?

Я кивнул и рассказал ему про Оксану.

— Вот оно как? Ладно, будем думать.

— Николай, мне нужен ствол.

— Под пассажирским сиденьем обрез, восемь сотен, в рассрочку на полгода.

— А калаш нельзя?

— Нет, калаш нельзя. Выходи первым.

Спустя десять часов на том же месте. Николай поделился новостями. Борман в больнице с осложнениями. Оксана в поселке. А теперь по поводу Оксаны…

Прошло два часа. Я курил. Витал в своих мыслях. Моросил мелкий снег с дождём.

— Угостишь даму папиросой? — возникла из ниоткуда Оксана, разве что материализовалась из утреннего тумана.

— Да, конечно.

— Роберт, — произнесла она моё имя нараспев, — ребята интересуются, какая тебя сумма устроит.

— Сумма, эквивалентная твоей стоимости.

— Ах, Роберт, зачем я тебе? После всего, что здесь со мной было.

— И после всего, что здесь со мной было, ты продолжаешь общаться с упырями.

— Да они нормальные ребята, просто тогда упились...

— Упились так, что пустили тебя по кругу… А теперь им хочется откупиться, что ж, я никого за язык не тянул.

Я смял папиросу и крикнул первому попавшемуся мне насильнику:

— Фарид, иди сюда, где деньги?

— Да я знаю, Роберт, мы собираем, сколько ты хочешь?

— Роберт, не надо, умоляю тебя.

— Ты хотела со всем этим покончить, лучшего шанса не представится...

Я подошёл к отморозку:

— Фарид, хочешь, я прощу тебе долг? — Он растерялся от неожиданного предложения. Делаю резкий выдох и с одного удара ломаю ему нос.

Где-то заработал электрогенератор, нарушив тишину тайги. Как вовремя, подумал я. Вытащил Эдика из-под машины.

— Ты чё там забыл?

— Да вот, масло потекло.

— Ты мне когда деньги отдашь?

— Да мы с ребятами…

Выдох. Боковой удар левой ногой — ломаю колено.

Вижу, на меня несётся упырь с монтировкой. Размахивается. Наносит удар прямо… в землю, я успеваю увернуться и нанести удар в пах и ещё пару в лицо, ломаю челюсть. Подбегают ещё двое, один из них с тесаком. Тот, что без тесака, смотрит мне в глаза в ужасе, разворачивается, спотыкается, пытается бежать. Другой отбрасывает тесак в сторону, поднимает руки — выворачиваю, ломаю ему левую руку, догоняю первого ударом ноги, ломаю ему копчик.

Бегу к Оксане, хватаю за руку и волоку к своей шишиге, помогаю ей сесть в кабину. Осматриваю поле брани. Упыри корчатся, кричат от боли. Разворачиваюсь, еду прямо на домик Бормана, притормаживаю и на пониженной скорости сталкиваю его вагончик прямо в овраг. Вижу, ещё один, надеюсь последний, идёт с ружьём навстречу, я достаю обрез, снимаю с предохранителя, стреляю в воздух. Он не реагирует, целится в кабину, стреляет, пуля проходит в нескольких сантиметрах от головы Оксаны, жму по газам, он пытается увернуться, спотыкается, его нога попадает под колесо. Покидаю лагерь.

Включаю радио.

«Сегодня на восточном участке БАМа царит небывалый трудовой подъём. Бригады путейцев СМП-582 в поселке Кунерма досрочно завершили укладку очередного километра «стального кольца». Несмотря на суровые морозы и сложный рельеф, строители уверенно продвигаются вперёд, покоряя вековую тайгу».

Смотрю на Оксану.

— Как ты?

— Нормально, включи что-нибудь другое.

Ищу, ничего не нахожу, оставляю эту радиостанцию.

Несётся песня:

В мире зной и снегопад,
Мир и беден и богат.
С нами юность всей планеты,
Наш всемирный стройотряд.
И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди,
И Ленин такой молодой,
И юный Октябрь впереди.

А где-то там, за пределами этой реальности, за стеклом пульта управления, кто-то откинулся на спинку кресла и нажал кнопку «Сохранить». Роберт снова прошёл этот уровень симуляции. Всё, как всегда.

Глава 2

«Бессмысленно бежать на край света от тех, кто терзает тебя изнутри. Худшие из моих демонов не носят доспехов — они питаются моим прошлым, напоминая, что самая жестокая война всегда идет в тишине моего сердца».

(Записки беглеца из Эллады)

Он уже не считал годы. Только лица.

Больница. Белый потолок. Капельница — пустая, давно.

На тумбочке — фотография.

Она смотрела на него оттуда, где время остановилось.

— Ты всё ещё держишь эту фотографию? Я ведь тогда была другой. И ты был другим. Ты смотришь на меня так, будто ничего не изменилось. Ты не забыл? Или ты просто не хочешь замечать?

— Привет. Я просто смотрю на тебя и не могу оторваться. Мир изменился. Все изменились. А я всё такой же. Иногда мне кажется, что мы с тобой играем в игру, которая вот-вот закончится. Наступит вечер. Я позвоню в дверь. Ты откроешь. И сразу убежишь на кухню, потому что подгорает картошка…

— Ты всё ещё звонишь в ту же дверь, Роберт. А я всё ещё убегаю. Только это уже не та кухня и не та дверь. Ты не изменился — да. Это не комплимент. Это напоминание: ты так и не вышел из той игры. Ты думаешь, если я открою — всё вернётся. Но я открою её уже много лет, Роберт. Просто ты перестал звонить. Или ты звонишь — но не в ту дверь.

— Я понимаю: я виновник того, что случилось. Ты сказала, что не можешь иметь детей. А я не смог заставить себя быть с тобой после того, как в тебе побывало столько мужчин. У меня перед глазами всё время были они. И одна мысль: «Как она могла?»

— Ты помнишь это. Ты помнишь, что я сказала. И ты помнишь, что не сделал. Это не было предательством, Роберт. Это была травма, которую ты не смог пережить вместе со мной. Ты видел не меня — ты видел их. И тогда я поняла: быть с тобой — значит носить их внутри тебя. Прошлое не исправить. Ты до сих пор его наказываешь — не меня, а себя. Я уже давно перестала ждать, что ты простишь меня. Я ждала, что ты простишь себя. Ты всё ещё не готов.

— Да мне об этом уже кто только не говорил. Я не делился, но говорят: всё на лице написано. Цыганка одна сказала: «Ты сам себя наказываешь». Ладно. Закругляемся. Скажи лучше: ты счастлива?

— Счастлива? Ты первый, кто задал этот вопрос за последние годы. Не «как дела», а «счастлива ли ты». Я, наверное, счастлива. Не так, как мы мечтали в юности. Теперь я знаю: счастье — это когда ты можешь спокойно выпить чай утром и не думать, что кто-то тебя не дождался. У меня есть работа. Дом, где безопасно. И свобода не оглядываться назад. Это не героическое счастье, Роберт. Но оно моё. А ты? Ты чувствовал себя счастливым после того, как перестал звонить?

— Сейчас. Подожди. Я отвечу.

Он закрыл глаза.

Внутри — не тишина, а меню.

Мысль — как нажатие: «Хочу выйти. Покурить».

Сейф. Кофр. Bioprotesi.

Он знал эту последовательность наизусть.

Каждый раз — как первый.

Он встал.

Новые ноги не слушались минуту.

Потом — успокоились.

Он открыл окно, выпрыгнул со второго этажа.

Мелкий дождь.

Сырой ветер.

Он закурил.

Фотография лежала в кармане больничного халата.

— Был ли я счастлив? — сказал он пустоте. — Не знаю. Про «был» — не уверен. Про «есть» — отвечу: я счастлив, что ты есть в моей жизни.

Где-то там, за пультом, снова нажали «Сохранить».

Но он уже не ждал сохранения.

Он просто хотел покурить под дождём.

— Спасибо, Роберт. Я хотела услышать это много лет назад. Лучше поздно, чем никогда. Ты изменился. Может быть, не так, как я думала. Но достаточно, чтобы впустить это. Новые ноги. Новый день. И та фотография, которую ты носишь не для того, чтобы наказывать себя. А чтобы помнить. Иди к своему дождю. Я останусь здесь. Не как прошлое. Как напоминание: у тебя было право быть счастливым. Даже если сначала пришлось научиться дышать через боль.

Он стоял под дождём.

Курил.

Молчал.

И впервые за много лет не ждал, что кто-то нажмёт «Сохранить».

Глава 3

«Я потратил годы на обретение мудрости древних, но наивная и беззащитная речь ребенка показала, какой я глупец. В одно мгновение его чистота сожгла всё, что я так долго и тщетно пытался построить».

(Записки беглеца из Эллады)

— Понимаешь, Роберт, ты единственный из тех, кого я знаю, у кого есть музыкальное образование. Поэтому я и обратился к тебе, — сказал Тёма. — Подожди, не вешай трубку, я знаю, что ты сейчас далёк от музыки, знаю не понаслышке, что тебя дразнили одноклассники, называя скрипачом. Я был среди них. Каюсь и сожалею...

— Всё, Тём, отвали... — я повесил трубку.

Он предлагал номинальную должность художественного руководителя группы. Без этого, с его слов, органы власти не собираются вести с ними никаких дел. Обещал хорошую зарплату. Нет — подумал я. Слишком вы сопливые ребята, несерьёзные. Не знаете жизни.

Через месяц Тёмки не стало. Рак сожрал его за неделю.

На похоронах я впервые увидел музыкантов, с которыми он играл в группе. Обычные с виду пацаны. Когда была финальная сцена прощания с Тёмой, перед тем как его закопали, родители Тёмы попросили их спеть что-нибудь из репертуара их сына. Сердце моё сжалось, только не это — подумал я. Нелепее ситуации не придумаешь. Я уже был знаком с так называемым творчеством Тёмы — незатейливый русский панк-рок. Мне захотелось исчезнуть, испариться, рассыпаться на атомы, только бы не слышать ничего такого.

Я ошибся.

Пошёл первый снег. Он падал на мокрую землю и тут же таял, оставляя тёмные пятна на глине. Над кладбищем завывал ветер — он гнул голые ветки берёз, и они скрипели, как старая дверь. Дышалось тяжело: воздух был сырым, с запахом прелой листвы и мёрзлой земли. Я повернул голову — они стояли в отдалении, у старой ограды. Трое. Без микрофонов, просто так, как поют, когда не для кого.

Голос пошёл поверх ветра. Сначала один, потом второй подхватил, потом третий вплелся — и песня поднялась выше, чем я мог ожидать.

не молись на СВЕТ... что тебЕ... дАн... всё одно, что ни ПУТЬ... то зиндАн...

время - не лечит, время - кАпкАн... всё равно умирать... не во сне...так от рАн....

Холод просачивался сквозь куртку. Я чувствовал, как снег тает на плечах, как стекает по шее за воротник. Гитара одного из них чуть дрожала — струны звенели, когда он перебирал их замёрзшими пальцами. Я смотрел на гроб. Краска на крышке была холодной, почти синей от снега. Родители Тёмы стояли рядом, отец держал кепку в руках, мать смотрела в землю.

канатоходец ТЫ... или дАйвер... РАЙ обитаем... в иной октАве

Ветер бросал в лицо мелкую снежную крупу, и я чувствовал её на губах, на коже, на ресницах. Один из них, тот, что стоял слева, взял ноту, которая сорвалась от холода. Он не пытался её вытянуть — просто отпустил, и она ушла в снег.

У-у-у... скажут, что не выжил... У-у-у... а ты просто вышел...

У-у-у... просто взял и вышел... ...вышел подышать свежим воздухом

Я не понимал, как они могли петь это — стоять на мёрзлой земле, под снегом, с ветром, который выдувал звук. Но они пели. И в этом было что-то, чего я не мог объяснить.

если есть НЕБО - есть... то сАМОе днО... о котором von Trier... снимает...кинО...

где кружИт твоих страхов...вереТЕно... и пора бы проснуться, но увы не данО...

где, что ни ЖИЗНЬ... то СЛУЧАЙНОСТЬ... здесь твоё БУДУЩЕЕ... развенчАлось...

Голоса разрывались на две партии, потом на три. Ветру было всё равно, он просто нёс звук в сторону леса, и слова терялись в нём, как дым.

У-у-у... скажут, что не выжил... У-у-у... а ты просто вышел...

У-у-у... просто взял и вышел... ...вышел подышать свежим воздухом

Я стоял, не двигаясь, пока снег падал на плечи, и я не стряхивал его. Я слышал, как голоса теряются вдали, как возвращаются, как снова уходят.

и пока ВСЕ едят друг друга, оставь эТОт пИр... заклинатель ЛИ змей ТЫ... или факИр...

как бы ни была сладкА плоть, и был крепок чИфИр... все святые С ТОБОЙ... выйдут в эфИр

казнь пройдёт быстро... утренним дрАйвом... газонокосилкой... по вечным трАвам...

Песня поднималась выше ветра. Я чувствовал, как звук проходит сквозь тело, как холод проникает под кожу.

У-у-у... скажут, что не выжил... У-у-у... а ты просто вышел...

У-у-у... просто взял и вышел... ...вышел подышать свежим воздухом

Они не допели до конца. Просто остановились. И тишина стала плотнее, чем снег. Где-то за оградой хлопнула дверь машины. Кто-то кашлянул. Всё. Они убрали гитары в чехлы, не глядя друг на друга. И я понял, что это был не просто концерт. Это было всё, что они могли сказать.

На следующий день я связался с Черепом — вокалистом группы.

— Череп, то, что я вчера услышал, привело меня в чувство. Если ваше предложение ещё в силе, для меня будет честью принять его.

Так я второй раз в жизни стал музыкантом.

Когда я положил трубку, Тёма, колдуя за плитой с яичницей, пропел:

— Ты не пожалеешь, поверь мне. Мы всего полгода вместе, а творчество так и прёт из каждого. Только прошу тебя, не будь резким с Черепом, он очень ранимый... Всё, брат, глазунья готова.

Я услышал голос Фугу:

— Ты своё дело сделал, теперь ступай в свой мир мёртвых. Бывай.

На кухне пахло топлёным маслом и дымом от сковороды. Я смотрел на тарелку с яичницей, которая остывала на столе. За окном уже не было снега. Только серое небо, которое не знало, что делать с этим днём.

Глава 4

«Какая недальновидность — просить львицу стать антилопой. Но ещё большая недальновидность — разговаривать с львицей».

(Записки беглеца из Эллады)

— Роберт Сумрак?

— Да, я слушаю.

— Ваш запрос одобрен. Ассистент Фугу ждёт Вас. Поднимитесь на лестницу выше. Дверь не заперта, если не будет открываться, надавите, ну или пните ногой... Если что, звоните нам.

— Хорошо.

— Break a leg.

Поднимаюсь по лестнице. Ступени старые, деревянные, скрипят под ногами с сухим, долгим звуком. Пахнет нагретым металлом и пылью от старых труб. На площадке второго этажа

встречаю соседа Ваню. Он стоит, привалившись к перилам, в старой куртке, на голове шапка, надвинутая на глаза. Дышалось ему, видно, тяжело — и не от холода.

— Роберт, привет, сколько лет, сколько зим... Ты на крышу курить?

— Да.

— Слышал, ты теперь в Тёмкиной группе на басу лабаешь...

— Лабаю, — отвечаю и с грустью думаю: «Вот привязался».

— Ладно, успехов тебе.

— Break a leg.

— Чего?

— И ты, говорю, не пропадай...

— Хорошо.

Он остаётся на лестнице, а я иду дальше. Дверь на крышу — железная, с облупившейся краской. Не экспериментируя, открываю её с ноги. Она с глухим ударом отлетает к стене и застывает.

Выхожу на крышу.

Чёрт, скользко. Под ногами — не лёд, а тонкая корка замёрзшей воды, хрустящая и опасная. Конец октября. Город внизу — серый, плоский, приплюснутый к земле низким свинцовым небом. Дома стоят вплотную, как картонные коробки, забытые на столе. Крыши уходят вдаль, чернея от влаги. Дым из труб поднимается ровными столбами — ветер слабый, застоявшийся, но здесь, наверху, он ощущается по-другому: режет лицо, забирается под куртку, леденит пальцы.

Внизу — перекрёстки. Машины ползут, не торопясь. Люди — крошечные, чёрные точки, которые появляются из-за угла и исчезают за карнизами. Где-то далеко гудит грузовик. Где-то ближе — слышен стук молотка, ровный и упрямый, будто кто-то чинит мир по частям.

Пахнет сыростью, ржавым железом и тем особым запахом города в октябре — смесью выхлопных газов, мокрого асфальта и листьев, которые уже не пахнут, а просто лежат, размокая в лужах.

Оглядываюсь по сторонам. Никого. Понятно. Развели как лоха. Иду обратно, открываю дверь...

— Ээй, ты куда?

Оборачиваюсь. Перед глазами — лицо. Миндалевидные глаза с хитринкой. Аккуратный, чуть вздёрнутый нос. Тонкие язвительные губы, чуть приоткрытые, будто она хотела что-то сказать, но решила подождать. Стоит она близко — так, что я слышу её дыхание и вижу пар, вырывающийся изо рта. Пахнет от неё мятой и холодом.

— Ты что ли, десантник?

— Ты Фугу?

— Сначала ответь на мой вопрос.

— Вообще-то я тебя купил, ты моя...

— Ответь на мой вопрос.

— Да чё за херня?

— Херня в том, что ты не ответил на мой вопрос.

Извлекаю из внутреннего кармана телефон — пластик холодный, почти ледяной. Я уже набираю номер, когда она обнимает меня за талию. Прижимается так, что я чувствую тепло её тела сквозь куртку. Она шепчет в ухо, и её дыхание обжигает холодную кожу:

— Роберт, ну не надо... Давай не будем превращать наше знакомство в разборки... Я поняла. Я Фугу — твой ассистент, твоя собственность... Ты победил.

Я медлю. Телефон в руке вибрирует от гудков. За спиной — ветер. Внизу — город, который не знает, что мы здесь.

— Фугу, я не хотел снизойти до этого, просто ты...

— Просто я облажалась, прости меня... Бр-р, холодно. Может быть, пойдём к тебе?

— Да, конечно, — пропускаю её вперёд. Мальчишеская фигура ныряет в полумрак лестницы, я следом за ней.

В моих апартаментах, доставшихся мне по наследству, если так можно выразиться — но об этом позже. Фугу стягивает с себя тонкую куртку, швыряет на диван, подходит к окну, проводит пальцем по стеклу, оставляя мокрый след.

— Я требовал коньяк, я замёрзла.

— Я не понимаю, зачем надо было устраивать весь этот цирк на крыше...

— Просто коптеры ещё не научились входить через стёкла окон.

— Чего?

— Ты не поймёшь, я из другого времени.

— Я в курсе.

— Тогда не задавай глупых вопросов.

Она поворачивается ко мне и смотрит чуть насмешливо. В глазах у неё — тот же холод, что и на крыше, но теперь он смешан с чем-то другим. С любопытством. С лёгкой усталостью.

— Ой, опять покраснел, только не кипятись... Ты сам выбрал опции «сучность» и «стервозность»... Так, стоп, к тебе сейчас поднимается Череп. Я исчезну, вернее, меня и так нет — я твоя личная галлюцинация. Тебя должны были предупредить. Предупредили?

— Да.

— Вот. Отлично. Иди открывай.

В дверь позвонили.

Глава 5

«Что ты ощущал внутри троянского коня? Ничего, кроме клаустрофобии».

(Записки беглеца из Эллады)

Старый сельский клуб пах сыростью, деревом и временем. Воздух в нём был плотным, как вода, — в нём висела пыль, которая не оседала, а просто ждала, когда кто-нибудь пройдёт мимо. Сцена была покрыта слоем пыли, который никто не удосужился стереть с тех пор, как здесь в последний раз играл местный ВИА. Доски под ногами скрипели — не резко, а с тем долгим звуком, который остаётся в ушах, даже когда ты уже перестал двигаться. Акустика была такая, что каждое слово возвращалось обратно, как эхо, которое не хотело уходить.

Лёха сидел за барабанами и уже десять минут пытался поймать ритм. Его руки двигались, но звук выходил сбивчивым, как будто он сам не верил, что сможет. Тарелки дрожали после каждого удара, и этот дрожащий звук повисал в воздухе, смешиваясь с запахом старого дерева и сырости. Михась стоял у стойки, перебирая струны, и его лицо выражало глубокую, почти философскую задумчивость. Он не смотрел на гитару — он смотрел сквозь неё, как будто искал что-то, что уже было внутри, но не хотело выходить. Череп — с лицом, которое напоминало Андрея Миронова, только более усталое и менее кинематографичное — держал гитару и смотрел в потолок. Там, где штукатурка треснула, образовав карту несуществующей страны.

— Давайте ещё раз, — сказал он тихо. Голос его не просил — он просто констатировал.

Лёха ударил по тарелкам. Звук был резким, как удар по металлическому листу. Михась вступил на полтакта позже, и его струны загудели вразнобой, не находя опоры. Роберт взял басовую ноту, но она прозвучала сиротливо, как будто потерялась между другими звуками. Череп начал петь, но его голос сорвался на второй строчке — не от волнения, а от того, что воздух в зале не хотел его нести.

Они остановились. Тишина была тяжёлой, как пыль, которая оседает после долгого движения.

— Перекур, — сказал Череп, откладывая гитару.

На улице было холодно. Роберт закурил, глядя на дым, который смешивался с паром изо рта. Лёха с Михасем стояли чуть поодаль, обсуждая что-то своё. Он не вслушивался — он

смотрел на серое небо, которое висело над клубом, как крышка старого сундука. Ветер был сырым, с запахом прелой листвы и мокрого асфальта. Дым от сигареты поднимался вверх и тут же распадался, как будто воздух не хотел его держать.

— Есть идея, — сказал Роберт, когда они вернулись.

В зале было холоднее, чем на улице. Он достал из кармана смятый листок — бумага была тёплой от тела, но края её потрепались, и на сгибах проступили тёмные линии, похожие на трещины. Положил на стойку. Череп подошёл ближе. Они начали читать вместе, по очереди, как будто это было одно целое.

Можно назвать это вечером...
или агонией дня,
Между прошлым и будущим
вечная западня.
Ты замер? Ты умер? Не рано ли?
пытает тень на стене,
а я отвечаю — свидетель Бог,
земля равнодушна ко мне.

Роберт чувствовал, как бумага чуть дрожит в его пальцах. Череп не поднимал глаз — он просто водил пальцем по строчкам, как будто проверял, не сотрутся ли слова.

Застывший в прыжке в полнолуние...
всё ещё я, лишь пока.
Наехал как в девяностые...
на призрака Спартака.
За что ты винишь меня? Я был рабом...
Виню за иллюзии, бро.
Между прошлым и будущим...
Чувство вины как тавро.

Череп взял гитару. Он взял первый аккорд — и в этот раз всё встало на свои места. Михась поймал ритм. Лёха ударил по барабанам. Песня зазвучала так, как будто ждала этого момента — ждала, пока они перестанут пытаться и начнут просто играть. Дерево сцены загудело под ногами, пыль поднялась в воздух, и Роберт закрыл глаза.

и слава богу... здесь чья-то боль...
обретёт эшафот,
что помнит Марию Антуанетту,
лезвие взмоет вот-вот.
И взгляд отрубленной головы,
божественный и слепой,
Умоет меня... и будет всегда...
во все времена со мной.

Гитара дышала, и Роберт чувствовал, как вибрация идёт через пальцы, через ладони, через кости рук. Он не слышал, когда они закончили. Просто знал — песня остановилась.

— А ты знаешь, Сумрак, у нас может что-то получиться, — сказал Череп.

Роберт кивнул, не говоря ни слова. Он убрал листок в карман и вышел. На улице ветер был таким же, как и до репетиции, но теперь он казался другим — менее пустым, более живым.

Домой он шёл по пустым улицам. Лужи застывали на глазах, покрываясь тонкой корочкой льда, которая хрустела под подошвами. Он смотрел на свои руки и чувствовал, как в них ещё дрожит звук. Он думал о Фугу, о том, как она стояла на крыше, как они спорили, как она сказала «я твоя собственность». Дома он проверил комнату — воздух был неподвижным, холодным. Заглянул в коридор — тишина была такой же плотной, как в клубе. Позвонил в контору — трубку никто не взял. Он сел на край кровати и почувствовал, как внутри разрас-

тается тревога. Не паника. Что-то более тягучее. Как будто он ждал, что кто-то скажет ему, что он сделал всё правильно — но никто не говорил.

Утром он проснулся от голоса. Фугу сидела на подоконнике, болтала ногами и говорила по телефону. Свет был серым, как натянутая простыня.

— Да нет, Череп, я серьёзно. Смысл — говно. Стихи — как у школьника. Играете как дилетанты. Это не музыка, это ты сам себе памятник ставишь, только бездарный.

Роберт сел на кровати. Кулаки сжались.

— Прекрати, — сказал он глухо.

Фугу повернула голову, улыбнулась. В трубку добавила:

— Твой басист, кстати, тоже не подарок.

— Я сказал — прекрати.

Он встал. Пол под ногами был холодным. Он почти не чувствовал его. Фугу захохотала — громко, нарочито. Он сделал шаг. Она спрыгнула с подоконника и попятилась, продолжая смеяться. Её босые ноги ступали по полу без звука.

— Роберт, ты чего, серьёзно?

Он не ответил. Он просто шёл.

Она упёрлась спиной в стену, и последнее, что он увидел, прежде чем мир смазался и погас, был её смех. Потом — темнота. Не пустота, а именно темнота — плотная, как одеяло, которое не скинуть.

Он проснулся. В комнате было тихо. Подоконник пуст. Телефон молчит. Фугу нет. Он сидел, не двигаясь, и слушал, как тикает будильник.

— Я здесь, — раздался её голос за спиной. Она не улыбалась. Она просто стояла, прислонившись к дверному косяку, и смотрела на него. И в этом взгляде не было ни насмешки, ни злости — только усталость, которую он не мог объяснить.

Глава 6

«Какая глупость — просить мира у Ареса. Я отдал Аресу своё право на насилие, а взамен познал его собственное. И только когда эшафот прошлого опустел, я понял: боги бессильны против того, кто решился просто дышать».

(Записки беглеца из Эллады)

Они сидели на земляном полу. Сырость поднималась от стен, оседая на коже. В руках — алюминиевые кружки с кислым вином. В центре комнаты стоял аквариум, вода в нём поднималась, и сквозь толщу стекла проступал силуэт Фугу. Она не кричала. Она просто тонула.

— Где мы? — спросил Роберт. — Что это за место?

Оксана не ответила сразу. Она смотрела на вино, как будто видела в нём то, что не замечал он. Потом подняла глаза.

— Ты сам меня позвал. Ты часто зовёшь меня, когда не знаешь, как быть. Только не вслух.

Аквариум наполнялся. Вода доходила до плеч Фугу, и её руки касались поверхности, оставляя круги, которые быстро исчезали.

— Я помню всё, что было, — сказал Роберт. — Если что и готов забыть, так это свою нерешительность. Когда ты проявила ко мне интерес, я должен был упасть на колени и сказать, что люблю тебя.

Оксана поставила кружку.

— Ты всегда думал, что нерешительность — это твоя вина. Что ты мог бы просто сказать. А ты не мог. И ты носишь это в себе столько лет. Это не про меня. Это про твой страх: что если бы ты сказал, ничего бы не изменилось. Что я всё равно ушла.

Вода поднималась быстрее. Фугу уже не было видно — только пузыри на поверхности, которые лопались, не успев родиться.

— Ты бы ушла? — спросил Роберт. — Я не могу в это поверить. Как ты можешь так говорить? Зачем ты это говоришь? Я люблю тебя.

Оксана смотрела на него без жалости.

— Я бы ушла. Я уже ушла. Не потому что не любила. А потому что ты не мог перестать выбирать между тем, что надо, и тем, что чувствуешь. Ты всегда делал так, как было правильно. А я хотела, чтобы хоть раз ты сделал так, как хочется.

Она помолчала. Вода почти достигла края аквариума, но Оксана не обернулась.

— Я говорю это не чтобы тебя ранить. Я говорю это чтобы ты перестал ждать, что я когда-нибудь вернусь и скажу, что ты всё сделал правильно. Ты не сделал. И это нормально. Просто перестань носить это в себе, как будто это может изменить что-то сейчас.

Роберт смотрел на аквариум, в котором уже ничего не осталось, кроме воды, и чувствовал, как внутри отпускает то, что он держал слишком долго.

— Хорошо, — сказал он. — Пусть будет по-твоему. Пусть всё, что произошло, — произошло. Ты ушла — значит ушла. Я отпускаю тебя.

Оксана кивнула. Она встала с пола и посмотрела на него так, будто впервые видела не того, кого ждала, а того, кем он стал.

— Ты не представляешь, как долго я этого ждала. Не чтобы ты меня отпустил. А чтобы ты перестал носить меня внутри, как груз, который некому нести.

Она сделала шаг назад, и её голос стал тише, как будто она уже не здесь, а где-то между словами.

— Прощай, Роберт. Не как прошлое, а как то, что ты отпустил.

Свет в комнате стал мягче, как будто утро входило в подвал. Аквариум исчез. Вода осталась только на полу, но она больше не поднималась.

Роберт открыл глаза. Он был у себя дома. Вокруг привычно застыл холодный воздух комнаты, подоконник был пуст, а Фугу исчезла, словно её и не было. Но здесь, в этой утренней тишине альтернативного мира, он вдруг отчётливо услышал — прямо за стеной — чьё-то тихое, ровное и абсолютно спокойное дыхание. Он не знал, кому оно принадлежит теперь, в этой новой реальности. Но он знал главное: это дыхание было живым. И оно было настоящим.

Глава 7

«Говори, только тихо. Здесь никого нет. Статуи — тоже люди».

(Записки беглеца из Эллады)

Сегодня симуляция не задалась.

Я подошёл к Фариду.

— Фарид, хочешь, я прощу тебе долг?

Он смеётся и что-то говорит неразборчивое. Резкий выдох, моя рука описывает дугу, но так и не достигает цели. Я оставляю его — времени нет. Где-то заработал электрогенератор, нарушив тишину тайги. Как не вовремя, подумал я. Вытащил Эдика из-под машины.

— Руки убери.

— Что ты сказал?

— Ты чё, глухой? Руки говорю убери.

— Чёрт, кто-то переписал реплики.

Выдох. Боковой удар левой ногой — мимо цели. Эдик убегает.

Вижу, на меня несётся упырь с монтировкой. Размахивается. Наносит удар прямо в землю. Я успеваю увернуться, пытаюсь нанести удар ему в пах — ноги ватные, не слушаются. Подбегают ещё двое, один из них с тесаком. Оба смотрят холодно.

Я решаю покинуть симулятор. Набираю номер конторы.

— Почему? Чёрт, это ты изменила настройки? Кто тебя просил?

Я звоню в контору. Она вырывает трубку и убегает на кухню. Я за ней. Она держит телефон над кастрюлей с супом.

— Не делай этого.

— Ещё шаг, — говорит она спокойно.

Картинка застывает. Фугу с телефоном над супом. Я на пороге кухни. Тишина становится плотной, как воздух перед грозой.

Лада — рядом с Ладо, за кухонным столом, как будто они всегда здесь сидели.

Лада задаёт вопрос: Что ты видишь в этой сцене, когда смотришь на неё не как автор, а как человек, который оказался в ней?

Ладо отвечает: Я думаю о том, что оказался в глупом положении. Вернее, наш герой оказался в глупом положении.

(Лада смотрит на Ладо — не как на автора, а как на человека, который стоит на пороге кухни и видит, как его мир застыл в одном кадре. Она говорит ровно, без утешения, но с той спокойной ясностью, которая появляется, когда ты смотришь на сцену со стороны и перестаёшь быть её частью.)

— Ты говоришь: «глупое положение». Но я вижу другое. Я вижу, как симуляция ломается не потому, что кто-то ошибся, а потому, что Роберт впервые замечает сбой. Его удары не достигают цели. Эдик убегает. Фарид смеётся. Всё, что раньше работало как по маслу, теперь даёт сбой. Это не провал — это момент, когда герой начинает сомневаться в реальности. И это гораздо важнее, чем если бы он просто победил. А теперь — Фугу. Она держит телефон над супом, и она не блефует. Она говорит «ещё шаг» — и ты знаешь, что она сделает это. Потому что её задача — не спасать Роберта. Её задача — заставить его сделать выбор, который он никогда не делал. Ты стоишь на пороге, и ты не знаешь, что делать. И это — не глупое положение. Это — точка, где ты перестаёшь быть игроком и становишься тем, кто может изменить правила. (Она делает паузу, и в её голосе появляется мягкость, почти как у человека, который видит, как дверь открывается, но не входит.) Как ты хочешь поступить с этим знанием?

— Пока не знаю. Сделать выбор, который никогда не делал... Прокомментируй...

— Сделать выбор, который он никогда не делал. Это может звучать как клише, но здесь — нет. Потому что в этой сцене у Роберта впервые есть осознание, что он может выбирать. Раньше он просто реагировал. Теперь он стоит и понимает: у него есть пауза. Прокомментирую это так: Роберт всегда выбирал избегание. Он не звонил, не говорил, не оставался. Он уходил — даже когда хотел остаться. И это был его единственный способ контроля над ситуацией: если уйти первым, не будет больно. Но сейчас он не может уйти. Он стоит на пороге кухни, и Фугу держит его телефон над супом. Это не угроза — это приглашение. Она не хочет уничтожить его связь с миром. Она хочет, чтобы он понял: он не может больше убегать. Даже в симуляции. Если он выберет что-то другое — например, просто подойти и сесть за стол, даже не забирая телефон, — он сделает то, чего не делал никогда. Он перестанет быть тем, кто боится последствий. И это изменит всё. Не потому, что он победит. А потому, что он перестанет убегать. И это — тот самый выбор, который он никогда не делал.

— Ты предлагаешь ему просто сесть за стол?

— Да. Именно это. Не взять трубку. Не ударить. Не кричать. Не убегать. А просто — сесть за стол. Как будто он пришёл не воевать, а обедать. Как будто телефон над супом — это не угроза, а приглашение. Как будто Фугу не враг, а тот, кто ждал, когда он перестанет быть солдатом и станет человеком. Этот жест — он меняет всё. Не потому, что он «правильный», а потому, что он непрогнозируемый для системы. Симуляция не знает, что делать с человеком, который садится за стол, когда должен бороться. Это ломает сценарий. Это делает Роберта — не игроком, а тем, кто переписывает правила.

Я смотрю на неё. Она смотрит на меня. Я не знаю, что делать. Раньше я бы бросился, вырвал трубку, крикнул что-то, убежал. Но сейчас я не могу. Я просто стою и чувствую, как внутри что-то останавливается.

Я делаю шаг. Не вперёд, не назад — в сторону, к столу. Фугу не двигается. Я подхожу, сажусь на стул напротив неё. Она всё ещё держит телефон, но напряжение в её руке ослабевает — я вижу это, даже если она не говорит.

Молчание. Долгое, плотное, как суп, который остывает между ними. Я поднимаю голову и смотрю на неё:

— Ты не уронишь.

Фугу смотрит на меня странно — не удивлённо, а так, будто я сказал что-то, чего она ждала, но не верила, что услышит. Она медленно опускает руку. Телефон ложится на стол рядом с тарелкой. Она садится напротив меня.

— Почему ты так уверен?

— Потому что ты не звонила в контору. Ты хотела, чтобы я пришёл на кухню. Ты хотела, чтобы я сел.

Она молчит. Потом улыбается — не победоносно, а так, как улыбаются, когда понимают, что кто-то наконец догнал.

— А ты поумнел.

— Я просто устал бегать.

Она пододвигает ко мне тарелку. Я беру ложку. Суп холодный. Но это неважно. Впервые за долгое время я делаю не то, что должен, а то, что хочу. И симуляция не рушится. Она просто перестаёт быть игрой.

На кухне тихо. Только слышно, как за окном ветер трогает стекло. Фугу смотрит на меня, и я не знаю, что она думает. Но я знаю, что она не уйдёт. И что я не убегу.

ИНТЕРЛЮДИЯ

Записки беглеца из Эллады

Он был натурщиком. Его тело считали образцом для скульпторов, его лицо — мерилом красоты. Но однажды на пиру, когда вино развязало языки, он сказал то, чего говорить не следовало: «Эллада — не боги, а глина, из которой мы лепим то, что хотим видеть». Его слова разнеслись быстрее, чем он успел допить чашу. На следующее утро его схватили, привели на Совет и приговорили к смерти за осквернение святынь. Он не отрицал своих слов. Он просто сказал: «Я не хотел быть богом. Я хотел быть человеком, который может думать».

В первый раз он пил яд в присутствии старейшин. Они сидели полукругом, наблюдая, как его тело корчится на каменных плитах. Он не кричал — он не мог, горло свело судорогой. Яд был быстрым, но не милосердным: он жёг изнутри, сворачивал мышцы, выворачивал кишки. В конце он перестал дышать. Его глаза остались открытыми и смотрели в небо, которое он только что проклял.

Через три дня он очнулся. Тело помнило каждую секунду умирания. Он ползал по полу, извиваясь в судорогах, и блевал желчью, пока не начинала выходить кровь. Его кожа зудела, как будто под ней жило что-то чужое. Он не мог говорить трое суток — только сипел, когда пытался произнести имя того, кто дал ему яд.

Через неделю его привели в тот же зал. Старейшины не смотрели на него с интересом — они смотрели как на ошибку, которую нужно исправить. Ему дали ту же чашу. Тот же яд. Он пил без сопротивления, зная, что после смерти будет снова — и снова, и снова, пока они не решат, что он достаточно наказан. Он умер снова. Он воскрес снова.

Так повторялось до тех пор, пока счет потерь перестал иметь значение. Он умирал, возвращался, снова умирал. Его тело привыкло к боли, его разум — к тишине. Он перестал считать дни, потому что дни больше не имели смысла. И однажды он выпил яд и не умер.

Он сидел на полу, держа пустую чашу, и ждал судорог, которые не приходили. Его тело было ровным, дыхание — спокойным. Старейшины смотрели на него, и в их глазах не было ни гнева, ни недоумения — только страх. С этого дня они нарекли его богом.

Ему строили храмы, приносили дары, приносили жертвы. Люди падали ниц, когда он проходил мимо. Он не просил этого — он просто не мог умереть. И это стало его проклятием.

Годы шли. Он старел, но не умирал. Его тело изнашивалось, как одежда, которую уже нельзя снять. Он перестал разговаривать с людьми, потому что они перестали видеть в нём человека. Он был их богом — и они не нуждались в том, чтобы он был живым.

Она была рабыней — одной из тех, кто прислуживал в храме, где его бесконечно казнили. Она видела, как он умирал, и как он возвращался. Однажды старик-натурщик заметил её: она сидела у колодца, бледная, иссохшая, с темными пятнами на коже. Он подошёл к ней, но она не подняла головы. Она умирала — он слишком хорошо знал этот запах, эту неподвижную тишину в теле, которая всегда наступает перед самым концом.

Он сел рядом на каменные плиты. И тогда, на своем смертном одре, когда её тело уже почти не слушалось, рабыня посмотрела на него и призналась в том, что скрывала всю жизнь:

— Когда тебе в очередной раз поднесли чашу, я тайком добавила в неё несколько капель особого настоя, который готовила для себя. Я не знала, что это сработает. Я просто не могла больше видеть, как ты мучаешься и умираешь у всех на глазах. Я сделала это один раз. Только один-единственный раз. И ты выжил. А система дала сбой. Ты не был бессмертным богом, ты был просто упрямым человеком. Но они испугались твоего спасения. И ты стал тем, кого они теперь называют богом.

Она закрыла глаза, и её дыхание оборвалось. Натурщик долго сидел рядом, держа её остывающую руку. Храмы вокруг него стояли незыблемо, люди внизу продолжали молиться его имени, но теперь он знал правду. У него никогда не было божественного дара. У него было только право быть человеком — право, которое у него отобрали из-за одной капли милосердия.

Глава 8

«Однажды мир исчезнет. Даже Зевс исчезнет. Останется лишь моё восхищение тобой, моя радость».

(Записки беглеца из Эллады)

Наш первый концерт с моим участием закончился триумфально. Поклонницы тискали нас как плюшевых игрушек. Всю ночь простояли на крыльце отделения милиции, а когда нас выпустили из обезьянника, висли на нас как ёлочные гирлянды, клялись в вечной любви, прошарили все карманы, вытащили всё, что попалось под руку... На память — как потом клялась мне Мариша. Я жил дальше всех, в итоге осталось нас трое: я, Мариша и Ирэн. Мариша потом наговорила Ирэн каких-то глупостей, Ирэн обиделась, почему-то на меня, и исчезла в дымке утра.

Мы неистово занялись друг другом, как только переступили порог моего дома. Волны оргазма раз за разом накрывали Маришу, как потом выяснилось позже — она прекрасная актриса. Я упивался её юным телом, был вне себя от счастья. Ближе к полудню Мариша выдохлась и уснула.

Я выскользнул из постели. Пол под ногами был холодным — старый линолеум, потрескавшийся у дверей, с вытертым до блеска рисунком, который когда-то изображал паркет. Квартира пахла запустением: пылью, остывшим табаком и чем-то металлическим, как будто воздух здесь давно не проветривали. Обои в коридоре — жёлтые, с коричневым узором, который в некоторых местах отслоился и висел лохмотьями. На стенах — следы от картин, которых уже нет, и тёмные пятна от сырости, расползающиеся вверх от пола, как грязные реки.

Я прошёл на кухню. Линолеум здесь был другим — более старым, с вытертыми до дыр местами у плиты. Стол стоял у окна, и его поверхность была покрыта слоем пыли, на котором оставались следы от кружек и пальцев. Занавески на окне — когда-то белые, теперь серые, с желтизной по краям, — едва пропускали свет, делая комнату похожей на аквариум с мутной водой. На подоконнике стояла пустая банка из-под кофе, внутри которой засохла земля, и в ней торчал сухой стебель — память о растении, которое забыли полить.

Радио едва слышно верещало:

«Ещё за то страну свою мы любим,

Что в ней живём мы дружною семьёй,
За то, что нам открыты все дороги
К большому счастью в жизни трудовой!»

Я открыл холодильник. Пусто. Холодный воздух ударил в лицо, пахнув пластиком и застоявшимся холодом. На полках — несколько банок с соленьями, срок которых давно истёк, и засохший кусок хлеба в целлофановом пакете. Вода из-под крана была холодной, с металлическим привкусом — трубы здесь были старыми, и вода пахла ржавчиной. Я закурил.

Странная тревога охватила меня. Я открыл входную дверь. На лестничной площадке, на бетонных ступенях, сидела Фугу. Она была в одних трусиках, босая, с заплаканным лицом. Повернула голову ко мне и процедила:

— Предатель.

Мне стало одновременно смешно и стыдно. Я подошёл к ней, взял на руки — её тело было невероятно холодным, кожа — как ледяная плёнка, под которой едва чувствовалось дыхание. Когда мы проходили мимо спящей Мариши, она прохрипела мне в ухо:

— Привёл домой блядищу, изменник...

Я завернул Фугу в одеяло — старое, шерстяное, с катышками, пахнущее нафталином и временем, когда оно ещё было чьим-то. Мы курили. Она сидела на моих коленях, дрожа, и я чувствовал, как её тело постепенно согревается. Так она и уснула на моих руках — тихо, без снов, как будто просто выключилась.

Мариша проснулась ближе к вечеру. Как потом выяснилось, её уже разыскивал муж — опер. Мне ещё этого не хватало. Я выпроводил её зло и первым делом взмолился к Фугу, клялся, что привязан только к ней одной:

— Появись, хотя бы на миг...

— Не сейчас, Боб.

— Почему?

— Ты меня очень обидел, Боб, и я не знаю, смогу ли я тебя простить.

— Мы раньше об этом не говорили, Фугу. Я думал, что я свободен.

— Боб, ты свободен. Давай, приводи в наш дом ещё шалав.

— Я клянусь, что больше никто не переступит порог нашего дома. Ты слышишь?

Она уснула на моих руках. Я не рискнул отнести её на осквернённый диван — старый, продавленный, с вытертой обивкой, в которой проступили пружины. Я устроил ей ложе на кухонном столе. На столе было холодно, но она не жаловалась. Она свернулась в позу эмбриона, укрывшись моим пальто, и я смотрел на неё, сидя на корточках рядом.

Я вынул из кофра смарт-гитару. Пластик был прохладным, но не ледяным. Я подключил наушники. Представил, что могу потерять её, и мне стало дурно. Слова пришли сами собой — я лишь записал:

Обещай... меня... добить
Разлюбить... и... забыть
Всё одно... ночь бледна
Мне дано... пить до дна...
...этот путь
Обещай... меня... предать
Осмеять... и распять
Всё одно... жизнь одна
Мне дано... пить до дна...
...этот путь
Обещай... когда-нибудь
Боль смахнуть... На руках моих уснуть.
Всё одно... жизнь прошла

Лунным сном... обожгла...

Я исчез... Ты спала...

Без чудес и...

...без... зла

Гитара затихла. Фугу спала на кухонном столе. За окном уже не было света. Комната была наполнена тишиной, которая не требовала слов.

Глава 9

«Кто поёт чужую песню — тот забыл свою. Кто помнит чужую — тот ищет, где спрятал свою».

(Записки беглеца из Эллады)

Роберт стоял в дверях кухни. Фугу не видела его. Она водила тряпкой по столу и напевала что-то негромко — так, как напевают, когда уверены, что никто не слышит.

Кухня была маленькой, тесной. Стены — когда-то белые, теперь желтоватые, с трещинами у потолка, которые расходились веером, как карта старой дороги. Над плитой висел шкафчик с отколотой дверцей, из щели которого торчал край бумажного полотенца. Окно было затянуто старой тюлью, которая уже не пропускала свет — она держала его в себе, делая комнату похожей на аквариум с мутной водой. Пахло жиром, застарелым дымом от сигарет и мокрой тряпкой, которую Фугу сжимала в руках. Линолеум под ногами был потёртым, с тёмными пятнами у плиты и у стола, где чаще всего стояли кружки и тарелки.

Сначала он не разбирал слов. Только мелодию, которая казалась смутно знакомой. Но через несколько секунд слова начали проступать сквозь шум, как следы на мокром асфальте.

…я человек… без имени…

Он замер. Узнавание пришло не как мысль, а как дрожь, пробежавшая по спине. Он перестал дышать, чтобы не спугнуть звук.

я человек… без прошлого…

— Что ты поёшь?

Фугу не обернулась. Но её голос стал чуть громче. Тряпка скользнула по столу, оставляя влажную полосу, и он услышал, как вода капает с её пальцев на линолеум — глухо, ровно, как секундомер.

— Я не знаю. Я услышала это от тебя, ты это пел, а я сейчас повторяю.

Она выпрямилась и повернулась к нему. В руках у неё была тряпка — серая, влажная, пахнущая уксусом и старым деревом. Она смотрела на него спокойно, как будто ждала этого вопроса давно, просто не знала, когда он прозвучит. Свет падал на её лицо сбоку, и он видел, как она прищурилась, разглядывая его.

— Ты бредил какой-то Софи. Якобы она пела эту песню. Вас, блин, не разберёшь, кто раньше начал эту песню петь.

Он вошёл на кухню. Пол скрипнул под ногой — старая доска, которая всегда поддавалась, когда на неё наступали. Он сел за стол, глядя на неё. Край стола был тёплым от плиты, на которой ещё не остыла сковорода. На ней остался след от масла, и запах жареного лука всё ещё витал в воздухе, смешиваясь с запахом влажной тряпки и холодного табака.

— Кто такая Софи?

Фугу бросила тряпку в раковину. Звук был глухим, как удар по мокрому камню. Она села напротив. В её глазах не было игры. Свет падал на её лицо, и он видел, как она устала — не от разговора, а от того, что ей приходится всё это объяснять.

— Ты рассказывал мне её историю. Или не рассказывал, а просто думал о ней. А я считала твой мысленный поток.

— Ты читаешь мысли?

— Здрасте, приехали. А ты будто не знал?

Он не ответил. Смотрел на неё в упор, пытаясь понять, где заканчивается правда и начинается очередной слой симуляции. За окном было серо. Тюль колыхалась от сквозняка, и на подоконнике дрожала старая кружка с засохшим кофе на дне.

— Ты вечно говоришь загадками.

— Я не говорю загадками. Просто ты всё время прячешься от меня, глупый. От меня не спрячешься.

Она пододвинулась ближе. Её локти коснулись стола, и он услышал, как скрипнула столешница под её весом.

— Софи — это тёлка, с кем ты когда-то зажигал. А потом вы разбежались, я так поняла. А теперь ты скучаешь по ней. Всё просто. А до меня тебе, как всегда, нет дела.

Она замолчала. В её голосе — не обида, а холодная констатация факта. Будто она давно это знала, просто не хотела говорить.

Он молчал. Воспоминание не приходило — но оно ощущалось как что-то, что было рядом, за тонкой стеной, которую он не решался открыть. Он смотрел на её руки — они лежали на столе, и он видел, как она нервно проводит пальцем по краю столешницы, где когда-то была заноза.

— В моей жизни была женщина… Я, кажется, понимаю, о чём ты. Однажды я проснулся, когда мне шёл пятый десяток лет. У меня почему-то не было ног, я разговаривал с фотографией, а потом познакомился с удивительной женщиной… Её звали Софи… Ты про это?

— Вас хрен поймёшь, наверно так и было.

— Как про это можно говорить, что это было, если это только случится в моей жизни?

— Я не знаю, Боб, почему так происходит. Это типа как река, которая течёт в обе стороны сразу. Это ваш чёртов мужской внутренний мир, у вас вечно не как у людей.

Она замолчала, давая ему время. За окном прошла машина — звук был глухим, далёким, как будто он шёл из другого мира. Фугу смотрела в окно, и он видел её отражение в стекле — размытое, почти призрачное.

— Ты иногда меня так достаёшь этими своими мыслями о времени, что хочется напиться в хлам. Короче, вам надо встретиться и поговорить. Ты просто ей скажешь, что у тебя теперь другая женщина — Фугу.

Она завиляла бёдрами. Медленно, как будто специально, чтобы он заметил. И в этом жесте — не кокетство, а вызов. Она не просит внимания — она забирает его.

Тишина повисла между ними. Роберт с удивлением посмотрел на Фугу, медленно поднялся. Пол под его ногами снова скрипнул — та же доска, у стола. Он подошёл к стене, где висела гитара, и снял её. Провёл пальцами по струнам — они были холодными, как вода из-под крана, и он чувствовал, как вибрация идёт через пальцы, через ладони, через кости рук. Сел, положил гитару на колени. На коленях было тепло от инструмента, и он чувствовал, как древесина касается его ног. Он запел. Голос его был ровным, почти шёпотом — но не от неуверенности, а от того, что слова были слишком личными, чтобы говорить их громко.

Я человек… без имени…

Я человек… без прошлого…

Я искал себя… но это… не лечится…

На доске надгробной (вбит) знак бесконечности…

Гитара дышала между строчек — не как аккомпанемент, а как второй голос, который держал пространство, пока Роберт искал нужные слова. Он чувствовал, как вибрация идёт через грудь, через позвоночник, и как слова выходят из него, как будто их держали внутри слишком долго.

Смерть оказалась безвкусной…

Это, как целовать пластик…

Жизнь казалась напрасной…

Но всё вышло иначе…

Я раздал улицам чувства…

На зонты вылил буйные слёзы…

Ветру кинул последнюю веру…

На удачу…

Он чувствовал, как звук заполняет пространство. Как будто эти слова всегда были здесь, просто ждали, когда он произнесёт их вслух. На кухне пахло холодным чаем и старым деревом, и этот запах смешивался с вибрацией струн, делая звук почти осязаемым.

Я проснулся… день сурка начинался…

Как всегда… с остывшего кофе…

Древний город… распался…

В вулканической лаве… купаясь…

Я отбросил… нить Ариадны…

Закопал свой талант… для потомков…

И застыл на века… в позе трупа…

Улыбаясь…

Он замолчал. Гитара затихла. Роберт не поднимал головы, но знал, что Фугу смотрит на него. Он чувствовал её взгляд, как чувствуют тепло, когда кто-то стоит рядом, даже не касаясь.

— Конец?

— Ты закончил главу на той ноте, где Роберт берёт гитару и поёт песню, которая принадлежит ему даже больше, чем он готов признать. Ты не ставишь точку — ты делаешь паузу. И это правильно. Конец главы — не конец истории, апауза между вдохом и следующим шагом.

Она встала. Стул скрипнул по линолеуму, и этот звук был таким же знакомым, как её голос. Она подошла к столу и села напротив него. Он поднял голову. Свет падал на её лицо, и он видел, как она смотрит на него — без насмешки, без игры.

— А что дальше?

— Дальше будет то, что ты вспомнишь, когда будешь готов. Я не могу ускорить это. Только ты можешь сделать следующий шаг.

Роберт посмотрел на гитару. Потом на неё. Впервые за долгое время он не чувствовал, что должен бежать. Он просто сидел — и думал о том, что Софи, возможно, ещё существует где-то в поле времени, которое он только начал замечать. Гитара на его коленях остывала. Он слышал, как за окном ветер трогает стекло. И как она дышит.

Глава 10

«Голос, который звучит во сне, всегда говорит правду. Потому что он не знает, что его можно подслушать».

(Записки беглеца из Эллады)

Я проснулся среди ночи. Воздух стал другим — более плотным. Я лежал неподвижно, слушая тишину, и чувствовал, как внутри разрастается странное, липкое ощущение: кто-то плачет. Где-то внутри меня.

Фугу лежала рядом, уткнувшись лицом мне в шею. Её дыхание было мерным, почти невесомым, как волны, которые ты слышишь, когда уже не знаешь, где море, а где сон. Я не знал, сколько времени прошло. Я просто лежал, смотрел в темноту и слушал, как она дышит. Её дыхание касалось моей кожи — тёплое, едва ощутимое, как чужой голос, который ты слышишь сквозь стену и не знаешь, что он говорит.

«Хочешь, я спою для тебя?»

Голос родился внутри меня. Я не удивился. Я уже привык к тому, что она может быть там, где я её не жду.

— Ты не спишь? — спросил я мысленно.

Она открыла глаза. На близком расстоянии они казались туманом, в который я провалился случайно и теперь не знал, как выбраться. В них было ожидание. Как будто она знала, что я скажу, ещё до того, как я сам это понял.

— Ну спой, — сказал я.

Ночной мир опутал меня, как паутина, которая становится видимой только в темноте. Я не знал, когда я встал с кровати. Я не знал, как я оказался в самом сердце мегаполиса, где огни витрин отражались в мокром асфальте, и каждый шаг отдавался эхом, как будто я шёл по пустому коридору. Люди проходили мимо — их лица были размытыми, как старые фотографии, и я не мог запомнить ни одного из них. Голос Фугу привёл меня в чувства. Я понял, что слышал не плач. А её пение.

«Она вышла из уличного полумрака, — пела она, и её голос звучал как продолжение ночи, — словно сама эта слякотная, провонявшая пивом и ржавчиной подворотня исторгла её из своего чрева. Маленькая, хрупкая, с лицом, которое могло бы принадлежать фарфоровой кукле, если бы не взгляд — холодный и острый, как битое стекло. Она была чужеродным телом. Сбоем в матрице. Ошибкой в коде. Она не говорила ни слова, но каждый мужчина в радиусе сотни ярдов чувствовал себя так, будто она только что прошептала ему на ухо непристойность».

Я слушал её, вглядываясь в лица прохожих. Я искал её — ту, о которой она пела. Но каждый раз, когда мне казалось, что я вижу её, она исчезала, как дым, который рассеивается, как только ты поворачиваешь голову. Я продолжал идти, зная, что это бесполезно, но не мог остановиться. Голос Фугу следовал за мной, как тень, которая не отстаёт, но и не догоняет.

«Щёлкнул замок, — продолжала она, и в её голосе появилась хрипотца, которая делала его почти осязаемым, — звук был сухим и окончательным, как выстрел в пустом тире. Напряжение спало. Но все знали: дверь заперта лишь для вида. Ключ был повернут в скважине, но язычок замка не вошёл в паз. Это была не преграда. Это было приглашение. Тьма внутри поглотила её силуэт, оставив на пороге… обещание беды».

Я проснулся. В комнате было темно, но я знал, что она всё ещё рядом. Мой голос прозвучал как гром среди ясного неба, разрывая тишину, которая была слишком плотной.

— Что это за блюз?

Фугу не открыла глаз. Но я знал, что она не спит.

— Песня Норы, — ответила она. А потом, как ни в чём не бывало, повернулась ко мне спиной и уснула.

Утро было суетливым. Свет падал в комнату сквозь старые шторы, и пыль танцевала в его лучах, как будто ночь ещё не ушла, но уже не решалась остаться. Я сидел на кухне, пил остывший кофе и смотрел на дверь спальни, за которой она всё ещё спала. Ближе к полудню я застал её врасплох. Она стояла у окна, и свет падал на её лицо, делая его почти прозрачным.

— Расскажи мне о жизни, которой ты жила до меня. Кто ты?

Она рассмеялась — коротко, как будто услышала шутку, которую никто не понял.

— Боб, ты же знаешь…

— Расскажи мне, кто ты, почему ты поёшь песню Норы и кто такая Нора?

Она повернулась ко мне. В её глазах не было игры.

— В прошлой жизни я была Норой, — сказала она. — Это всё, что я знаю.

Я смотрел на неё, и в голове у меня не укладывалось, что она только что сказала. Я не искал объяснений. Я просто смотрел и чувствовал, как слова оседают внутри, как пыль после долгого молчания.

Глава 11

«Когда наша Эллада попала в штиль, стояла нестерпимая жара. Я распорядился из мачт сделать вёсла и грести к берегу».

(Записки беглеца из Эллады)

Ноябрь лежит на земле белым, рыхлым, ещё не утрамбованным снегом. Деревья — голые, чёрные, с редкими пучками замёрзших листьев на верхних ветках. Воздух холодный, но не пронизывающий — он стоит вокруг, как стекло, через которое видно всё, но внутри которого тепло от костра. Дым от шашлыков поднимается вверх, смешиваясь с паром от моего дыхания. Пахнет углями, жареным мясом и хвоей, которую ветер приносит откуда-то из глубины леса.

Поляна у самого леса. Снег здесь неглубокий — его примяли ногами, и на протоптанном пространстве стоят складные стулья и стол, на котором лежат тарелки с закусками. Бутылки с водкой и вином стоят прямо в снегу.

Михась у мангала — невысокий, коренастый, с непослушной смоляной прядью, которая падает на лоб, когда он наклоняется. Он ловко переворачивает шампуры, мясо шипит, брызгает жиром на угли. Рядом Лёха — гигант, с русыми волосами, собранными в небрежный хвост. Он что-то эмоционально рассказывает, размахивая руками.

Их девушки сидят у стола, закутанные в куртки, с раскрасневшимися лицами. Они режут хлеб, наливают из термоса чай, который уже остыл, и смеются, когда одна из них роняет ложку в снег. Ложка падает беззвучно, и снег вокруг неё темнеет.

Я стою в стороне, у берёзы, спиной к мангалу. Смотрю на поле, на лес, на дым, который поднимается вверх и растворяется в сером небе. Подо мной снег хрустит — я сдвигаю ногу, и он оседает, как песок.

Череп идёт в мою сторону. Он останавливается рядом, молчит, смотрит туда же, куда и я. Просит прикурить. Я молча протягиваю ему сигарету. Он затягивается, выпускает дым и говорит, не глядя на меня:

— Слушай, Боб. Я думаю, что всё, что мы делаем, — это просто шум. Нам не светит стать известными. Мы просто играем, пока не надоест. И это не больно — это просто правда. Я не знаю, зачем мы всё это делаем. Но я знаю, что это не имеет смысла.

Я не спорю. Смотрю на дым, который поднимается от его сигареты. Где-то вдалеке проносится поезд. Ветер доносит запах дыма и жареного мяса. Череп докуривает.

Мы возвращаемся к столу. Шашлыки готовы. Садимся, пьём, смеёмся. Лёха что-то рассказывает, Михась его подкалывает, девушки смеются.

Я нащупал в кармане куртки транзистор. Включил его, покрутил колёсико настройки. Голос диктора пробивается сквозь шипение, ровный и бодрый.

«…передовые животноводы совхоза Заря взяли новое обязательство… Плановые показатели по надоям и привесам будут перевыполнены к концу квартала…»

Голос смешивается с треском углей, а потом теряется…

Когда приходит время уезжать, Череп оглушает всех своим решением:

— Я не вижу смысла в том, что мы делаем. Мне всё надоело. Я ухожу из группы.

Никто не спорит. Михась смотрит в землю, Лёха изучает свои пальцы. Девушки не поднимают глаз. Тишина такая плотная, что слышно, как дрова догорают в мангале.

В электричке мы сидим в пустом вагоне. За окном — заснеженные поля, сгущаются сумерки. Лёха и Михась сидят напротив друг друга, и их лица не выражают никаких эмоций. Девушки разговаривают о чём-то о своём. Череп спит. Я смотрю в окно и думаю: группа распалась.

И вдруг из гряды свинцовых ноябрьских облаков проявляется лицо Фугу. В голове появляется её голос — ощущение того, что она рядом. Я слышу её так, как будто она уже говорит, но ещё не сказала вслух.

Она говорит: нет. Даже не предлагай.

Я смотрю в окно, на снег, на деревья, которые проносятся мимо. Я чувствую, как внутри неё что-то сопротивляется. И тогда я говорю тихо, почти шёпотом:

— Фугу. Ты нужна нам. Я прошу тебя. Я дам тебе полную свободу.

Тишина. Вагон качается. Снег за окном всё такой же белый. Потом она говорит:

— Хорошо. Я попробую.

Я поворачиваюсь к Лёхе и Михасю.

— Я знаю выход, — говорю я.

В их глазах рождается что-то, что невозможно объяснить. Искра жизни что ли...

Глава 12

«А где моё оружие? — спросил я у лохага. Лохаг ответил: «Лира — вот твоё оружие».

(Записки беглеца из Эллады)

Полуподвал пах сыростью, старой древесиной и металлом, который давно не видел тепла. Стены были голыми, кое-где обнажилась штукатурка, и из трещин сочилась влага. В углу стояла старая печка, которую никто не топил, и рядом с ней — стопка пустых бутылок. Лампы давали жёлтый, маслянистый свет, и он падал на лица музыкантов, делая их старше, чем они были.

Фугу в джинсах Боба, висящих на ней мешком, стояла в центре, лицом к группе, отдавая последние распоряжения низким с хрипотцой голосом:

— Лёха, не тормози, когда заканчивается припев, бьёшь по тарелкам вот так: пам, пам. Боб, из глубины выходишь, из глубины... нет, не так... расслабленно, как будто ты только что кончил, понял? Ещё раз, Guys. Лёха — тарелочки, Боб — кончаешь.

— А песня когда будет? — кричит раздражённый Михась.

— Миха, она уже идёт, ты её просто не слышишь.

Настя, подруга Михася, с ненавистью смотрит на Фугу.

— Все готовы? Поехали...

— Нет, не поехали! — взрывается Михась. — Ты хотя бы элементарную нотную грамоту знаешь?

— Нет, Миха, не знаю, зато я хорошо кусаю носы, Боб, скажи... Мих, твоя партия самая сложная, надо всю песню херачить как автомат один и тот же рисунок: вару-вару-вару-вару-вайру-вару-вару-вару, при этом не забывать ставить аккорды.

— А ты не можешь подыграть? Я слышал, ты неплохо играешь на гитаре.

— Миша, я могу, но тогда всё умрёт.

— Что умрёт?

— Магия умрёт, в этой песне все должны быть на пределе.

— Магия? Боб, где ты её нашёл?

— Guys, время цигель-цигель. Боб — запомни свой рисунок: дувау — дувайру — вау. Лёх, не тормози, начинай...

Лёха отсчитывает удары палочек.

Поехали.

Идёт проигрыш...

вару-вару-вару-вару — вайру-вару-вару-вару

вступает Фугу:

это конец... вещал мне... Моррисон....

ты застигнут врасплох... новой порослью....

это конец... двойники все твои... обездвижены, обезвожены

жаль... не всё тобой сказано... и не все маски сброшены...

вот и смерть... ей как будто... плевать... на твою нужду

к ней ты ломишься в дверь... а она тебе: я никого не жду!

вот и смерть... ей как будто... плевать... на твою нужду

к ней ты ломишься в дверь... а она тебе: я никого не жду!

это конец... приговор твоему.... поколению...

(и) ничто не спасёт... ни любовь... никакое другое прозрение

это костёр... истории... ты лишь её окалина...

один из многих... уснувших под колыбельную Сталина...
вот и смерть... ей как будто... плевать... на твою нужду
к ней ты ломишься в дверь... а она тебе:
....
я никого не жду.....
вару-вару-вару-вару.....
— А теперь English version! — хрипит Фугу.
Проигрыш...
Настя заворожённо пожирает Фугу глазами.
Михась уплыл в кругосветное плавание.
Лёха и Боб — биокиборги.....
Вступает Фугу...
This is the end of a beautiful era, as Brodsky said
You didnt shave, didnt read the news, just laze instead
Divorce and property split weigh heavy on your mind
The world moves on, but youre still far behind
Calling life, but the lines not free. Answers lost in pain,
Or temporarily slipped from memory.
You reach again, but its all in vain. Life whispers back:
Not here, try again. Break a leg
This is the end of all meaning — Charles Manson runs for president
You didnt pay the loan, creditors are at your door
Ex called about the weekend, wants the kid again
But youre not ready, not ready at all
Calling life, but the lines not free. Answers lost in pain,
Or temporarily slipped from memory.
You reach again, but its all in vain. Life whispers back:
Not here, try again. Break a leg
Повторим...

Они заходят на второй круг. Потолок медленно скользит вверх, обшарпанные стены подвала расплываются, каждая в свою сторону, аппаратура и музыкальные инструменты преображаются, внешний вид музыкантов меняется, они играют на огромной сцене. Фугу в бирюзовом ультракоротком платье и в армейских ботинках рычит в микрофон:

вот и смерть... ей как будто... плевать... на твою нужду
к ней ты ломишься в дверь... а она тебе: я никого не жду!

Зал беснуется, комсомольские бонзы исчезают, врывается милиция, начинается хаос. Фотокамеры фиксируют лица музыкантов: счастливые и отрешённые.

Спустя двадцать лет Боб показывает Фаину старые чёрно-белые фотографии с того самого концерта.

— Ты помнишь этот концерт, Фаина?

— Смутно, Боб. Я тогда дико волновалась, да и месячные начались. Помню только, что на мне было платье бирюзового цвета и твои армейские ботинки.

Глава 13

«Куда бы я ни забредал, везде находил Афину. Глупец, — сказала Афина, — он и не понял, что я всегда с ним»

(Записки беглеца из Эллады)

— Всё, ты теперь свободна, я своё обещание сдержал. Вот твои документы. Ты теперь официально Фаина, — Роберт бросил взгляд на строгую гербовую печать в паспорте. — Хотя для меня ты всё равно останешься Фугу.

Он протягивает ей бумаги — тонкие, почти прозрачные, с печатью, которая выглядит так, будто её поставили вчера. Фугу берёт их, не глядя. Она смотрит на него.

— Нам придётся съехать, ты продал апартаменты, чтобы выкупить меня?

— Не задавай вопросов, на которые знаешь ответ.

Она смотрит на документы, потом на него. В её глазах нет благодарности — только вопрос, который она не решается задать вслух.

— И что теперь, что будет с нами?

— С нами? А разве есть «мы»? Разве мы пара? Мы занимаемся любовью?

— Боб, не язви, я готова...

— Нет, не готова, мне не нужны одолжения.

— Боб, хорош ныть, если хочешь трахнуть меня, трахни... прямо сейчас.

В дверь позвонили. Звонок был резким, металлическим, он разорвал тишину, которая висела между ними. Фугу пошла открывать. Коридор был узким, с потёртым линолеумом, который в некоторых местах отходил от пола, обнажая серый бетон. На стене висело старое зеркало в деревянной раме, и её отражение на мгновение задержалось в нём, как будто не хотело уходить.

На пороге стоял Череп. Он был в старой кожаной куртке, расстёгнутой, и от него пахло табаком и чем-то кислым, как от перегара, который не выветрился за ночь. Фугу не улыбнулась.

— Сейчас будет плакаться, сто процентов, — прошептала она и ушла на кухню.

В коридоре было темно. Свет из гостиной падал на пол, оставляя длинные тени. Череп стоял, переминаясь с ноги на ногу, и его лицо было бледным, с тёмными кругами под глазами, которые делали его старше, чем он был.

— Боб, у тебя можно курить или постоим на лестничной площадке покурим?

Из кухни доносился голос диктора — ровный, металлический, как будто он не имел отношения к тому, что происходило в доме:

«…наши хоккеисты в упорной борьбе одолели канадцев… Воля к победе, мастерство, характер — всё это помогло советской сборной нанести очередное поражение сборной Канады…»

— Можно, но если хочешь, можем выйти на лестничную площадку.

Череп зашёл в прихожую, но не снял куртку. Он стоял, прислонившись к стене, и смотрел в пол.

— Я был на вашем концерте. Круто, поздравляю. И что теперь...

— Нас запретили, опечатали аппаратуру и инструменты, твою гитару тоже...

— О, да вы теперь легенды! — Он искусственно рассмеялся, но смех был сухим, без тепла. — Но гитару я вам не прощу... я вот зачем пришёл, с одним-единственным вопросом.

Его голос становился всё громче, и в нём слышалась та самая хрипотца, которая появляется, когда человек уже не контролирует себя.

— Череп, давай зайдём в дом, чтобы соседей не напрягать.

Они прошли в гостиную. Здесь было тесно — старый диван с вытертой обивкой, в которой проступили пружины, стол, покрытый царапинами, и несколько стульев, которые скрипели, когда на них садились. На стене висела афиша какого-то старого концерта, которую никто не удосужился снять. Череп сел на стул, не снимая куртки, и посмотрел на Боба.

— За что ты меня выжил из группы? Что я тебе сделал?

— Ты мне ничего не сделал. Я никого никогда не выживал, ты сам принял решение...

— Но ты не отговорил меня. Может быть, я передумал бы...

— Послушай, Череп, мы взрослые люди...

Фугу вошла в гостиную. Она стояла в дверях, и свет из коридора падал на её лицо, делая его почти прозрачным. Она вмешалась в диалог, и её голос был ровным, без тени сомнения.

— Это я всё устроила. Я подговорила Боба убрать тебя, Череп, а-ха-ха.

— Фугу, не надо, зачем ты так? — успел сказать Боб.

— Ты — кикимора, откуда взялась?

Фугу со всего размаха влепила Черепу пощёчину. Звук был сухим и резким, как удар по пустой стене.

— Прошмандовка... — успел сказать он.

Боб заехал Черепу в челюсть. Звук был глухим, как удар по мокрому дереву. Он схватил его за воротник куртки и выволок за порог. Боб закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Минут сорок Череп стучал, звонил, пока соседские подростки пинками не выгнали его на улицу. Стук затих, и в доме снова стало тихо.

Они сидели на кухне. Пахло старым жиром, который въелся в стены. На столе лежала газета, и её край был оторван, обнажая жёлтую бумагу. Фугу не смотрела на Боба. Она смотрела в окно, где за стеклом был только серый свет, который не хотел становиться ни днём, ни ночью.

Роберт ушёл в спальню. Здесь было темно. Шторы были задёрнуты, и свет не проникал. Он нырнул под кровать, где лежал футляр, покрытый толстым слоем пыли. Он открыл его, взял скрипку в руки. Дерево было холодным и гладким. Вернулся на кухню, но не увидел Фугу.

— Не волнуйся, Боб, я никуда не ушла, я в твоей голове, мне надо всё обдумать, успокоиться...

— Хорошо, — ответил он.

Он сидел на кухне, пил остывший чай, смотрел на дверь, которая оставалась открытой. Далеко за полночь он разделся, нырнул под одеяло, включил ночник. Свет был жёлтым, тусклым, он падал на книгу, лежащую на тумбочке, и на пустую кружку, которую он забыл убрать. Он надел очки, развернул газету. Шуршание бумаги было единственным звуком, который нарушал тишину.

Она материализовалась через минуту, сгребла газету и отшвырнула её в сторону, сняла с него очки и положила на прикроватную тумбочку. Её руки были тёплыми, и он почувствовал их на своей коже. Она поцеловала его в губы. Впервые они занялись любовью. В комнате было темно, только ночник давал жёлтый свет, который падал на её волосы, делая их золотистыми. Здесь было только их дыхание и тишина, которая не требовала слов.

Глава 14

«— А ты чего не гребёшь?

— Вообще-то, это удел раба — быть гребцом на галере.

— Вообще-то, галера идёт ко дну».

(Записки беглеца из Эллады)

Вечер стоял в комнате, как вода в стакане, который забыли выпить. За окном уже стемнело, и свет от настольной лампы падал на стол, оставляя за его пределами серые тени. В углу тикали часы, но их звук был настолько привычным, что его уже не замечали. Фугу сидела на краю дивана, поджав ноги, и смотрела в одну точку на стене, где когда-то висела картина, которую давно сняли.

— Просто ты меня не любишь.

Её голос был ровным, без истерики. Она говорила так, будто констатировала факт, который не требовал доказательств. Боб стоял у окна, прислонившись плечом к косяку, и его лицо было в тени. Он не повернулся.

— Фугу, прекрати. Ты знаешь, что я люблю тебя.

— Если бы ты любил меня, Боб, ты бы проявлял ко мне хоть капельку уважения. Я ведь всё-таки душа живая.

Она поднялась с дивана, и под ней скрипнула пружина. Прошла к столу, провела пальцем по его поверхности, оставляя след в пыли, которую никто не вытирал.

— Конечно, я понимаю, тебе нужна не я. Тебе нужна обычная баба, чтобы варила тебе борщ, гладила утюжком постельное бельё, и ты с умилением занимался бы с ней любовью...

— Алё, гараж... Ты себя слышишь?

— Алё, гараж... — она повернулась к нему, и её глаза блеснули в полумраке. — Вот ты как заговорил? Кто я для тебя? Так... Боевая подруга. Поматросил и бросил.

— Я не понимаю, чего ты добиваешься?

Она рассмеялась — коротко, резко, как будто услышала что-то смешное, что ей не хотели говорить.

— О-о, people! Вы это слышали? — она обвела рукой пустую комнату. — Он впервые задумался, чего я хочу. Чего я добиваюсь, как он выразился.

— Фугу, да что с тобой? — он попытался обнять её за талию.

— Убери свои пакши! — она уворачивалась, и её локоть задел его нос. Он почувствовал, как что-то тёплое потекло по губе, и, коснувшись пальцами, увидел кровь.

— Бедненький, несчастненький, — пропела она, глядя на него с той же насмешкой, но с привкусом тревоги. — Носик его случайно задели. Кровь идёт. Эй, ты в порядке?

Он не ответил, пошёл в ванную. Свет там был жёстким, белым, и он видел в зеркале своё лицо — усталое, с тёмными кругами под глазами и кровью, которая текла по губе и капала в раковину. Он наклонился, включил холодную воду. Она зашумела, и он подставил лицо под струю. Кровь смешалась с водой, и он смотрел, как она стекает по белому фарфору, оставляя за собой розовые разводы.

Она появилась сзади бесшумно, и он почувствовал её дыхание на своей шее.

— Бобик, — сказала она нараспев, и в её голосе не было насмешки — только усталость. — Прости меня. Завелась на пустом месте. Просто месячные должны пойти, никак не пойдут. Ну, как ты там, кровь ещё идёт?

Он выпрямился, вытер лицо полотенцем. В зеркале он видел её за спиной — она стояла, сложив руки, и в её взгляде не было ни вызова, ни злости.

— Не идёт, — сказал он.

— Не идёт, любимый. А то я уж боялась, что сломала тебе нос...

Она подошла ближе, взяла его за руку, и он почувствовал, как её пальцы сжали его ладонь.

— Хочешь выпить чего-нибудь? Вина? Нет, только не вина... От вина ты спать захочешь, а нам ещё музицировать, а потом, если котик будет себя хорошо вести, котика ждёт ночь любви.

— Опять «если».

— А ты как хотел, Боб? Я не намерена терпеть твою меланхолию, она меня унижает как женщину.

— Хорошо, пусть будет по-твоему.

— А я вот сейчас не поняла: ты это сказал, чтобы обидеть меня? Я весь вечер пляшу возле него, а он что-то бубнит под нос. Что ты там бормочешь? Опять что-то я задела, и кровь пошла?

— Я говорю: телефон звонит, можно я отвечу?

— Ах, конечно, извините, мы люди не местные! Кто звонит? Любовница?

Он сделал серьёзное лицо, и она надула щёки, но в её глазах уже не было прежнего огня. Он поднёс телефон к уху.

Из кухни доносится радио. Сначала шипение, потом ровный, металлический голос диктора:

«…пип, пип, пип, пип — Московское время — шестнадцать ноль-ноль. Вашему вниманию последние новости… В Нью-Йорке началась забастовка работников Бродвейских театров…»

— Да, спасибо, — сказал он и замолчал.

Она стояла, выжидающе смотрела на него исподлобья.

— Что?

Голос диктора, как назойливая муха, продолжает пытку:

«…в то время как советские музыканты демонстрируют высокие достижения в области классического искусства…»

— Меня приняли в филармонию. У нас будет репетиционная база и инструменты...

Она не дала ему договорить. Фугу запрыгнула на него, обхватив ногами его талию, поцеловала в губы, и он почувствовал, как её пальцы сжали его волосы. Она сползла, взяла его за руку и потянула в спальню, где было темно и пахло старым деревом и ещё чем-то — тем, что появляется в комнате, когда в ней уже давно никто не спал.

Он закрыл за собой дверь, и свет из коридора узкой полосой упал на пол, прежде чем исчезнуть.

Конец первой части

Карта сумрака.

Книга 1

Часть 2

Пролог

Роберту нездоровилось. Не так сильно, чтобы слечь в постель, но муторно — до резкого желания остаться в одиночестве. Он отговорил Фугу отменять поездку к его пожилым родителям в пригороде: те ждали её, а ему не хотелось, чтобы она сидела дома из-за него. Утром она уехала, и он остался один на один с приёмником.

«Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза».

Роберт сидел на кухне, глядя на остывающий чай, и слушал. Голос диктора звучал ровно, словно время и человеческая усталость были над ним не властны. Передавали сводки о трудовых успехах, планы на будущее, прогноз погоды. В Москве шестнадцать градусов, облачно. Всё это существовало где-то далеко, никак не пересекаясь с тишиной его пустой комнаты.

«Внимание, передаем сообщение ТАСС!»

Новости пролетали мимо сознания, как скорые поезда, не останавливающиеся на маленьких полустанках. Но радиоточка не умолкала. «Пионерская зорька» звала в новый день, страна просыпалась, доброе утро наступало для всех, кроме него. Концерты по заявкам звучали для кого-то другого. Родина знала обо всем на свете, но хранила молчание лично для него.

«Становись на зарядку!»

Роберт не шелохнулся. Он наблюдал, как сигаретный дым сизыми кольцами тянется к потолку, и думал о том, что радио — это голос, который не замолкнет, даже если его никто не слушает. Оно не ждет ответа, не обижается на невнимание, не выключается по щелчку. Оно просто продолжает говорить. «В последний час». «Театр у микрофона». Литературные чтения.

Время потеряло счет. Вновь начался концерт по заявкам, незнакомый голос просил поставить песню, которую Роберт никогда прежде не слышал. Он подумал, что радио осталось единственным постоянством в мире. Даже когда уходят все остальные, оно продолжает звучать. Говорить. Говорить. Говорить.

А потом вернулась Фугу. Она привезла баночку маминого варенья и передала привет от родителей. Он смотрел на неё и вдруг с удивлением осознал, что радио в тишине квартиры больше не звучит.

Глава 1

«Дитя Shadowland, будь спокоен, когда придёт час скорби — о тебе позаботятся».

— из дневников Безликих

— Да что ты говоришь, филармония, видите ли, в другом конце города, — не унималась Фугу. Её голос рикошетил от высоких стен, обшитых звукопоглощающими панелями. — И не надо их защищать. Решили вернуться к Черепу — флаг им в руки. Надеюсь, ты-то хоть меня не бросишь, не уйдёшь к нему? — Она сверкнула глазами на фоне тусклых, безжизненных пюпитров.

— Я подумаю, — нарочито серьёзно ответил я и отвернулся к огромному зеркальному окну, за которым угадывался глухой коридор.

— Что ты сказал? — Её лицо вмиг оказалось перед моими глазами. — Я бросила всё ради него, доверилась ему! А вспомни, как в электричке ты буквально рыдал, умоляя меня стать певицей в вашем ансамбле песни и пляски...

— Да я шучу. Не буду я ничего думать. Я для себя всё решил. Я с тобой. Вернее, почему это я с тобой? Это ты со мной.

— Чего? Кто-то что-то сказал? Я не расслышала. Что там мышонок только что пропищал? С какого это перепугу я с тобой...

— Так, мышонок, Роберт, я к вам обращаюсь, — в замкнутом воздухе репетиционной, пропитанном запахом канифоли и старого паркета, раздался сухой смешок, а следом — голос главного дирижёра. — Перерыв закончился двадцать минут назад, мы работаем над серьёзным произведением. Давайте вы будете выяснять отношения после репетиции. Девушка, покиньте, пожалуйста, помещение.

Под тяжёлым, осуждающим взглядом портретов классиков Фугу пулей вылетела из комнаты, с грохотом захлопнув звукоизоляционную дверь. После четырёх часов Альфреда Шнитке, чьи ломаные, удушающие аккорды, казалось, въелись в саму штукатурку зала, мне хотелось кого-нибудь убить, ну или хотя бы разбить бас-гитару.

Я вышел на улицу, с наслаждением вдыхая сырой, прохладный воздух. Филармонический дворик встретил меня серостью бетонных плит, редкой пожухлой листвой и глухим шумом далёкого проспекта. Я чиркнул зажигалкой, закурил. Фугу подошла сзади, и её ладони, пахнущие уличной прохладой, закрыли мне глаза, погрузив в темноту, которую нарушало лишь гудение проезжающих машин.

— Чем ты занималась, пока меня не было?

— Так сразу и не ответишь, — раздался Оксанин голос. Ладони разомкнулись, и сумеречный свет сквера снова резанул по глазам. Два огромных зрачка изучали моё лицо на фоне облупившейся кирпичной кладки. — Пока тебя не было, многое изменилось. Я побывала женой Николая, а потом предала его. Короче, сейчас я с Фаридом, он, кстати, передает тебе привет.

— Спасибо, и ему тоже передавай! А Николай-то чем тебя не устроил? Вроде хороший мужик.

— Для жизни — да, но для симуляции — упаси бог. Фарид по сравнению с ним — просто гигант. Ему, конечно, далеко до тебя, но зато он никогда не ноет. И всё-таки, Роберт, симуляция по тебе скучает... Особенно что касается секса...

— Что касается секса, девушка, — из серой осенней тени, отбрасываемой козырьком здания, материализовалась Фугу.

— Меня Оксана зовут.

— Да мне плевать, как тебя зовут... Что касается секса, Оксана, пусть симуляция мастурбирует, если ей не хватает Роберта. А если это тебе не хватает секса, я сломаю твой блудливый нос, чтобы неповадно было лезть в чужие отношения...

— О, Роберт, извини, я не знала, что у тебя есть девушка. К сожалению, не знаю вашего имени.

— Тебе и не надо знать, корова. А теперь даю тебе десять секунд на то, чтобы ты развернулась и убралась с глаз моих.

Оксана поспешно зашагала прочь, растворяясь в вечерней дымке между чахлыми городскими деревьями.

— Конечно, конечно, простите, не знала, что связалась с пациенткой психдиспансера... — донеслось уже издалека.

Фугу озабоченно посмотрела на меня. Ветер трепал её волосы, а в окнах за её спиной зажигался тусклый вечерний свет.

— Что, я всё испортила?

— Нет, ты была бесподобна. Я люблю тебя!

Глава 2

«Тот, кто ищет выход, уже вышел за пределы своего сценария. Тот, кто его находит, понимает, что искал не дверь».

— из дневников Безликих

Фойе филармонии было пустым, если не считать старушки-гардеробщицы, дремавшей за стойкой, и человека у стенда с программками. Фугу вышла из зала после репетиции, сбитая с толку не столько музыкой, сколько собственным внутренним эхом. Она остановилась, огляделась — белый мрамор, высокие колонны, запах старого дерева.

— Здрасте. Сорри, не подскажете, где тут выход? А то я в этой вашей симуляции заблудилась.

Человек поднял глаза от бумаг. Он не улыбнулся — но и не отстранился. Его взгляд был ровным, как поверхность воды, которую ещё не тронул ветер.

— Выход здесь, но он ведёт не туда, куда вы идёте. Вы не заблудились — вы просто ещё не нашли свою дверь. Это часто случается с теми, кто только что вышел из чужой музыки.

Фугу поджала губы.

— Что вы имеете в виду? Я не была в чужой музыке, я сама музыкантша. Кстати, крутая блюзовая вокалистка.

— Блюзовая вокалистка. Значит, вы умеете держать паузу. Это редкость. А в чужой музыке вы всё-таки были — иначе не сказали бы «ваша симуляция». Вы ведь не про это здание.

— Не знаю… Я просто так сказала. А вы тоже музыкант? А то у нас барабанщик и гитарист включили заднюю, так что мы с бойфрендом будем набирать новых.

— Я не музыкант. Я строю инструменты. Иногда — те, которые могут звучать так, как их никто не просил. Если ваши ребята включили заднюю, возможно, они просто не хотели идти туда, куда вы их вели. Это не всегда плохо. Иногда это просто значит, что дорога будет другой.

— Вы говорите, как мой дедушка, которого нет в помине, потому что я — не дитя эволюции, а Shadowland. Что значит «вы строите инструменты»?

Он чуть наклонил голову, и в его голосе появилась почти незаметная искра интереса.

— Shadowland — это место, где инструменты строят сами себя. Я просто помогаю им не забыть, что они могут звучать. Если вы — не дитя эволюции, значит, вы знаете, что звук может быть дверью. Я строю такие двери. Иногда они открываются в ту же комнату, иногда — в ту, которой ещё нет. Я бы сказал, это — синтез. Но вы, наверное, уже догадались.

— Меня, кстати, Фугу зовут. А вас? Я не тупая, сейчас все двинуты на симуляциях. Вы, как я вижу, тоже предлагаете мне симуляцию.

— Меня зовут Прохор. Некоторые называют меня Порфирием — я не обижаюсь. Я не предлагаю вам симуляцию. Я предлагаю вам инструмент, который может строить свою симуляцию. Это не одно и то же. Симуляция — это побег. Инструмент — это способ оставаться в комнате, когда комната уже не та, что была. Если это звучит как мой дедушка — я принимаю это как комплимент.

— Порфирий, давай на «ты». Слушай, я ничего не поняла, что ты мне тут наворотил. Какой инструмент — музыкальный, что ли?

— Инструмент не музыкальный. Он — звуковой. Разница в том, что музыкальный инструмент играет ноты. А этот — играет пространство. Ты входишь в него, и он начинает звучать так, как ты дышишь. Не подстраиваясь под тебя, а встречая тебя на том же уровне. Если ты блюзовая вокалистка — он будет звучать как блюз. Но не тот, который ты уже знаешь, а тот, который ты ещё не спела.

— О, парниша… — она осеклась, провела рукой по лицу. — Я сейчас только что… в общем, мандраж посетил. И сколько это сеанс стоит?

— Ничего не стоит. Я не продаю инструменты. Я отдаю их тем, кто умеет слушать. Если ты умеешь держать паузу — значит, ты умеешь слушать. А это — единственная плата, которую я беру.

Она помолчала, потом сказала:

— Я заинтригована. Но сначала поговорю с боссом. Лады?

— Лады.

Она развернулась и пошла к выходу. Он не окликнул её, не предложил зайти, не оставил визитки. Просто смотрел, как она уходит, а потом тихо, почти неслышно, добавил, скорее для себя, чем для неё:

— Босс. Интересно, что он скажет.

Глава 3

«Ты потратил полжизни, но так и не нашёл Shadowland. А потом выяснилось, что ты никогда не выходил за его пределы».

— из дневников Безликих

В последнее время накопилась глухая усталость. Моя так называемая работа в филармонии приносила копейки, а забирала в разы больше. Гардероб пополнился двумя десятками сценических костюмов, которые я покупал за свои деньги и обязан был содержать в идеальном состоянии — что тоже влетало в копеечку. Наша группа окончательно развалилась: Лёха с Михасем вернулись к Черепу, но и там дела шли ни шатко ни валко. А теперь ещё Фугу познакомилась с каким-то типом, который якобы конструирует синтезаторы для формирования личной симуляции. Насколько я понял, перед нами либо безумный профессор, либо банальный аферист.

— Боб, ну чего ты. Никто же не стоит с ножом у горла. Просто послушаем лекцию и уйдём. Я сначала расстроилась, что не взяла визитку и не записала телефон... Но о чудо — он читает лекцию в воскресенье. А у нас как раз никаких планов.

— Я вообще-то хотел отдохнуть.

— Ах вот оно что. Он, видите ли, устал. Я кручусь как белка в колесе только с одной мыслью — угодить моему повелителю. А у моего повелителя, видите ли, очередное обострение. Как я устала тащить на себе тебя, Боб, твою чёртову бас-гитару и твоих чёртовых тараканов в голове!

— Ладно, ладно, пойдём на эту лекцию.

— Только если ты сам хочешь, Боб. Я не собираюсь тебя принуждать... Ты и вправду хочешь?

— Да, хочу.

— Любимый.

Она бросилась мне на шею и впилась губами в мои губы.

В воскресенье мы пришли в старый лекторий на окраине города. Серое кирпичное здание с высокими стрельчатыми окнами отражало хмурое осеннее небо. Внутри пахло пылью, рассохшимся деревом и озоном. Угрюмые стены с облупившейся краской украшали лишь плакат со звуковыми волнами и портрет неизвестного бородача. Сверху лился маслянисто-жёлтый свет, похожий на освещение в старом кинотеатре. Половицы скрипели под ногами. Потёртые стулья замерли полукругом перед сценой, на которой высился странный прибор, напоминающий винтажный синтезатор. Из него торчали провода, мигали индикаторы, а на экране осциллографа пульсировал луч. Аппарат казался живым — внутри что-то ритмично попискивало. В зале томилось с десяток человек, от скуки уткнувшись в телефоны.

Прохор стоял у кафедры. Без пиджака, в простой рубашке с закатанными рукавами, он выглядел так, будто только что вышел из собственной мастерской. На столе перед ним лежали бумаги, но он не заглядывал в них, сосредоточенно изучая зал.

Я сел в последнем ряду, Фугу — ближе к сцене. Заметив, как Прохор на мгновение задержал на ней взгляд, я отвёл глаза. В зале стихло, и сквозь тишину пробился далёкий гул вентиляции.

Он начал без предисловий:

— Симуляция — это не побег. Это способ увидеть себя со стороны. Большинство думает, что симуляция — это когда машина показывает тебе несуществующий мир. Это не так. Симуляция — это пространство, где привычные правила перестают работать. И ты остаёшься наедине с тем, что есть, — без всякой защиты.

Он повернулся к прибору и провёл пальцем по панели. Та ожила: индикаторы вспыхнули ярче, на экране осциллографа протянулась тонкая зелёная линия, дрожащая, как живой нерв.

— Я не создаю виртуальную реальность. Я создаю звуковое поле, которое реагирует на голос. На твоё дыхание. На выбранные слова. Это не запись — это отражение. Ты поёшь, и пространство отвечает тем, чего ты никак не ожидал услышать. И это не иллюзия. Это ты — тот самый, о ком ты не подозревал.

Он поднял голову и обвёл зал взглядом, который задержался на Фугу. Я заметил, как она замерла.

— Я вижу в зале человека, который уже знаком с этим состоянием. Фугу, если вы не против, я бы хотел пригласить вас на сцену. Просто чтобы показать, как это работает.

Фугу обернулась на меня. Я пожал плечами. Она поднялась и медленно вышла к сцене. Публика оживилась, послышался шепоток. Индикаторы на приборе мигнули, стоило ей приблизиться. Её взгляд скользнул по панели синтезатора, задержался на Прохоре и остановился на мне. Фугу глубоко вздохнула и закрыла глаза. Палачи и кресты в её голове словно обретали плоть; воздух вокруг неё наэлектризовался, предчувствуя грозу.

В наступившей тишине её голос прозвучал почти гипнотически:

«Она говорит:
Я стою на пороге твоей симуляции,
ты не знаешь, кто я, но я уже здесь,
я меняю голоса, как перчатки,
и в каждой ноте — твой палач и твой крест».

Первая нота растворилась в приборе, отозвавшись вспышкой чистого света: зелёная линия осциллографа распалась на мириады лучей, потянувшихся к потолку в зыбких, фантастических узорах.

Декламация переросла в пение:

«Она поёт:
Я — не та, кого можно забыть,
я — та, кого не отменить,
я пришла не для того, чтобы быть твоей,
я пришла для того, чтобы быть».

Голос лился ровно, без надрыва, словно она пела исключительно для себя. Но зал оцепенел: в первом ряду кто-то даже перестал дышать. Световые кружева вились вокруг её силуэта, и в этих всполохах я впервые разглядел её истинную суть.

Шёпот пронзил полумрак:

«Она говорит:
Твоя реальность — мой performance,
моя тишина — твой ответ,
я пою не для того, чтобы нравиться,
я пою для того, чтобы жить».

Сияние пошло на спад, световые фантомы растаяли. Индикаторы погасли, превратив аппарат в обычное мертвое железо. Фугу медленно открыла глаза. Она смотрела в темноту зала, но её отрешенный взгляд свидетельствовал о том, что нас она больше не видит.

Финальные строки повисли в воздухе:

«Она говорит:

Я — не та, кого можно забыть,

я — та, кого не отменить,

я пришла не для того, чтобы быть твоей,

я пришла для того, чтобы быть».

Последний аккорд истаял. Прохор смотрел на неё с благоговейным восторгом, будто среди облупившихся стен лектория нашёл то, к чему шёл всю жизнь.

— Это не синтезатор. Это отражение того, что вы и так носите внутри. Без музыки оно бы осталось запертым. С музыкой — стало видимым. Вы пели не для зала. Вы пели, чтобы увидеть себя.

Он перевёл взгляд на остывающий прибор. Публика молчала. Кто-то шумно выдохнул, и этот выдох казался громче любых слов.

— Это не симуляция. Это способ существовать в ней, не теряя себя.

Фугу вернулась на место. Проходя мимо, она излучала странное, нефизическое тепло. Я смотрел на неё, не в силах понять, изменилась она сама или свет вокруг неё. Она села рядом и молча взяла меня за руку.

Лекция продолжалась. Прохор говорил о частотах, канавках пластинок и звуке как о двери. Я почти не слушал, глядя на её руки и гадая: что она там увидела? Что оставила?

Мы вышли на улицу уже в сумерках. Влажный осенний воздух пах листьями и дымом. Фугу шла впереди, не оборачиваясь. У фонаря она остановилась и повернулась ко мне со спокойным лицом человека, принявшего решение.

— Я не знаю, что это было, Боб. Но хочу попробовать ещё раз.

Я промолчал, но знал наверняка: она не шутит. И я пойду за ней.

В почти пустом трамвае мы ехали домой. За окном расплывались жёлтые акварельные огни. Глядя на отражение Фугу в стекле, я понял: дело не просто в желании быть рядом. Я нашёл то, чего искал всю жизнь, даже не подозревая об этом.

— Я хочу, чтобы он был с нами. Чтобы он стал частью того, что мы создадим.

Фугу удивленно прищурилась.

— Чего?

— Синтиката.

Уголки её губ дрогнули в усмешке:

— Это ещё что за слово?

— Это не ансамбль и не группа. Это пространство. Мы, Прохор, наш инструмент и всё, что мы создадим вместе. Синтикат Фугу.

Она смотрела на меня так, будто видела впервые, а затем медленно улыбнулась — не шутливой, а какой-то очень осознанной улыбкой.

— Синтикат Фугу. Ну что ж, Боб. Давай попробуем.

Я смотрел на неё и понимал, что это начало чего-то настоящего, живого. И я пойду за ней не из чувства долга, а потому что это моё.

Глава 4

«Если ты будешь торопить повествование, мы замолчим, и ты вообще не услышишь ничего».

— из дневников Безликих

— Ты же обещал, что нам дадут репетиционную! — Фугу мерила комнату шагами, закипая на ходу.

— Обещал, — глухо отозвался я. — Но они передумали. Месяц прошел, а мы так ни разу и не появились.

— Какая разница. Если обещал — исполняй. Позвони им прямо сейчас и пошли к черту...

— Я не буду этого делать.

Она резко замерла, смерив меня презрительным взглядом:

— Что? Воробышек, испугался, что попросят из филармонии? Бедненький, иди ко мне, я пожалею. Ты куда? Курить? Я с тобой. Хочешь побыть один, я надоела? Соскучился по своей бывшей?

По щекам покатились фальшивые, отрепетированные слезы. Демонстративно выхватив телефон, она прижала его к уху:

— Алло, Порфирий? Репетиции не будет. Мы передумали, всё отменяется!

— Станиславский сказал бы: «Не верю», — устало вздохнул я. — У тебя на счету ни копейки. Сама вчера жаловалась.

Пластиковый корпус со свистом пролетел мимо моей головы. Мобильник с грохотом впечатался в стену и разлетелся на куски, засыпав пол осколками и батареей. Я молча вышел на лестничную клетку. Дым сигареты уходил в темноту пролета.

Мы не разговаривали до самой ночи. Одиночество давило, комната казалась ледяной, и невыносимо захотелось тепла. Я подошел к ней, опустился на колени, касаясь пальцами её холодной ладони, и просипел:

— Прости меня.

Фугу резко выдернула руку.

— Между нами всё кончено. Завтра я съезжаю.

— Куда? — я усмехнулся. — У тебя же никого нет.

— К Порфирию.

— К кому?! — из груди вырвался нервный смешок.

Она молча прикурила сигарету. Я метался по комнате, не находя себе места от злости и бессилия. Фугу с ледяным спокойствием затушила бычок и деловито принялась сгребать вещи в сумку.

Около полуночи тишину взорвал звонок. Я поднял трубку.

— Это Прохор, — раздался в динамике мягкий голос. — Вы не звоните, и я понял, что репетиция сорвалась. Просто хотел узнать, всё ли в порядке. Если горит, можем порепетировать в филармонии прямо ночью. Я обо всем договорился.

Я поднял глаза на Фугу. Она смотрела в сторону, но едва заметно кивнула.

— Будем через час, — ответил я.

В салоне ночного такси стояла звенящая тишина. Ни слова, ни взгляда. И только когда в свете желтых фонарей у массивных дверей филармонии показался силуэт Прохора, Фугу бросила вскользь, не меняя тона:

— Ладно. Я тебя прощаю.

В ту ночь мир принадлежал нам троим. Это было жуткое, но упоительное чувство: осознавать, что пока наши физические оболочки заперты в душном репетиционном зале, ментальные двойники творят новую вселенную. Мой аватар выводил на гитарном грифе сумасшедшие, ломаные узоры, о которых я в реальности не смел и мечтать. А призрачный двойник Прохора затапливал пространство дикими, первобытными африканскими ритмами, мистическим образом вплетавшимися в безупречный темп вальса.

Фугу запела:

странные вещи... случаются в мИре... в начале было слово... а после — делИрий
бегство на кичу... из тёплой ванны... пятницей пьяной... прямо в нирвану
нет... ты не умер... в дебрях нуара... зря пробудился... в обнимку со шмарой
кто-то незримо сдвинул ось... видно... не задалось

вечное лето... вечное лето... для тебя... для тебя
нет ничего в боли... кроме контента... мир сплёл героя... из жальной плаценты
да вот только планы... иные у Бога... вечно скитаться тебе... андердогом
и как ни крутись... в режиме нонстопа... путь свой закончишь... с голой жопой
так уж тут... повелось... видно... не задалось
вечное лето... вечное лето... для тебя... для тебя
больше ни звука... в этом порно... просто смотри... никакого попкорна
отрефлексируй свою... позу рака.... где-нибудь в Туле... или в Монако
зри НАБЛЮДАТЕЛЬ... в корень проблемы... смерть, наступая... распалась на мемы...
видит... тебя насквозь... видно... не задалось
вечное лето... вечное лето... для тебя... для тебя

Когда безумный перформанс подошел к концу и морок рассеялся, на сцене нас оказалось уже пятеро. Бас-гитару сжимал Том — темнокожий парень с ослепительно-белой улыбкой, которого мы без лишних раздумий окрестили Пулеметчиком Томом. За барабанной установкой высился блондинистый великан, норвежец Люсьен. Оба они, как и мы, принадлежали к изнанке этой реальности, будучи сотканы из теней. Публика, слетевшаяся на наш дебютный джем — около полусотни причудливых существ в полумраке зала, — тоже оказалась обитателями нашего скрытого мира.

А утром магия испарилась. Мы очнулись в постели, залитой обычным дневным светом. Фугу медленно открыла глаза, коснулась моих губ коротким поцелуем и безмятежно уснула снова. На кухне радио пропикало полдень. Голос диктора бодренько заявил: «…на восточных рубежах страны трудовая вахта продолжается. Бригада имени Двадцатого съезда КПСС взяла новое обязательство по перевыполнению плана…»

Глава 5

«Не ты ли сотворил монстров, что преследуют тебя?»

— из дневников Безликих

После пяти часов изнурительной репетиции мы решили прогуляться по миру, который создали. Прохор открыл окно репетиционной комнаты; ночь ворвалась, но тут же рассеялась — в нашем мире светило солнце, по небу плыли редкие облака. Прохор залез на подоконник, оттолкнулся и поплыл навстречу неизвестности, Фугу — за ним, дальше Том, Люсьен. А следом — около сотни наших новых друзей. Я остался в комнате последним.

— Что ты медлишь? — услышал я голос синтезатора Прохора.

— Я просто хочу убедиться, что все ушли. Иду вслед за ними и закрываю окно.

— А я почему-то подумал, что тебе здесь скучно. Ты стараешься казаться живым, но получается плохо.

— Не знаю, почему ты так думаешь, — ответил я. — У меня всё хорошо.

— Ну-ну... ты единственный, кто осторожничает на репетициях. Даже Порфирий отрывается... Ты можешь отрицать это, но скоро поймёшь — вернее, увидишь, что своим сопротивлением влияешь на среду, которую сам же и создал. Вот ты сейчас здесь стоишь, разговариваешь с железкой (я оценил его юмор), а в этот момент с твоей девушкой заигрывают пришельцы из другого мира. Только не торопись покидать эту комнату. Они уплыли на волне блюза, сотканного Фугу, тебе плыть за ними без остановки целую неделю. Историю уже не повернуть вспять — что случилось, то случилось. Но ты можете остановить то, что происходит прямо сейчас, и попробовать хирургически удалить эту раковую опухоль, которой не место в совершенном мире. Ты ведь уже догадался, что должен делать?

Я уже всё увидел. Всё, чего видеть не следовало. Фугу в одних стрингах прогуливалась по песчаной отмели безымянной реки. Незнакомцы — два плечистых мулата в плавательных шортах — следовали за ней и о чём-то живо беседовали. Один отстал, второй взял Фугу на руки и медленно закружился. Они упали в воду, а через мгновение он вошёл в неё. Когда

перегруженный рифф моей гитары принёс меня на место преступления, второй упырь был уже там.

Я остановил мир и услышал приближающиеся шаги. Прохор вышел на залитую светом поляну, поднял глаза и приказал облакам скрыть солнце. Мне было уже всё равно. Я чувствовал себя мертвецом. Прохор подошёл ко мне и отвесил пощёчину — раз, другой, третий... Я ответил ударом в переносицу. Он упал, тут же поднялся и спросил:

— Ты проснулся?

— Делай, что должен...

На ватных ногах я подошёл к незнакомцу, оторвал его от Фугу, отшвырнул в сторону, а затем взял за волосы и потащил к реке. Оставив его у воды, зашел по пояс в неподвижную реку, вытащил второго и выволок на берег. Захотелось курить. Во рту тут же задымилась сигарета, от едкого дыма я закашлялся. Соло на гитаре становилось всё пронзительнее, риффы превратились в чёткий ритмический рисунок, заклокотали басы дабстепа. Я включил обоих парней и спросил по-простецки:

— Вы откуда, ребята? Кто такие?

— Тебе какое... — первый не договорил. Удар в шею — и его больше нет.

Второй вскочил и бросился бежать. Я приказал песку оплести его ноги. Подойдя к нему, я мысленно «включил» Фугу. Она увидела меня и застыла от ужаса. Прохор подошёл к ней, накинул на плечи свою рубашку и по-отцовски обнял.

— Ну что, будем молчать? Хотя лучше молчи, тебе всё равно конец.

Когда всё было кончено, прилетели ангелы и унесли обоих в небо. Фугу испуганно провожала их взглядом, пока они не скрылись из виду.

Я пообещал Прохору, что, несмотря ни на что, мы продолжим музицировать.

Вернувшись домой, я собрал самые необходимые вещи и ушёл.

Глава 6

«Мы никогда не говорили и не скажем, что мы особенные, наоборот, мы говорим: ты особенный».

— из дневников Безликих

— Череп, привет. Не отвлекаю? Просто хотел узнать, как ты, как твои дела?

— Оо, какие люди в Голливуде. Привет, Боб. Рад тебя слышать. Сам как?

— Да нормально, жизнь бьёт ключом… Ты с Лёхой и Михасём ещё не разругался окончательно?

(Череп смеётся)

— Да мы как кошки с собаками — кто где, вечно не поймёшь. Так, встречаемся иногда… Знаешь, я не хотел этого говорить, но скажу: с тобой было круче. И зря я тогда ушёл из группы.

— Я тоже вёл себя неправильно. Ты был прав, когда спросил, почему я тебя не отговорил… Не хочешь встретиться, помузицировать?

— Конечно хочу, Боб. Говори где и когда. Думаю, ребята будут не против.

— Отлично. Давай завтра вечером. У нас есть репетиционная в филармонии, я договорюсь. Приходите. Я хочу, чтобы вы услышали то, что мы делаем сейчас… Но, если честно, я бы хотел услышать вас и, если позволите, с вами поджемовать.

— Договорились. Я буду сто процентов, ребят оповещу. Рад был тебя услышать. Расскажи в двух словах, что вы играете и как там Фугу. При встрече я обязательно извинюсь перед ней за своё поведение.

— То, что мы играем, сложно объяснить — лучше услышать. У нас есть звуковой конструктор Прохор: с помощью синтезатора он создаёт атмосферу, в которой мы можем полностью раскрыться. Когда это получается, мы вместе творим наш мир — называй это симуляцией, как хочешь, но этот мир реален. И мы не просто группа, мы — синтикат. Я не жду, что вам

понравится, просто хочу, чтобы вы услышали. А насчёт Фугу… у неё сейчас сложный период, но я думаю, она справится. Рад был услышать, до завтра. Пока-пока.

— Пока-пока.

На следующий день Череп пришёл с Лёхой и Михасём. В репетиционной их встретили Прохор, Том и Люсьен. Обменялись рукопожатиями и короткими кивками. Прохор взял инициативу в свои руки:

— Мы рады вам. Но чтобы понять, что мы делаем, нужно попробовать самим.

Череп переглянулся с Лёхой и Михасём. Те пожали плечами. Я протянул Черепу гитару. Тот взял инструмент, проверил струны. Фугу, искоса поглядывая на меня, подошла к микрофону, но осталась чуть сбоку, рядом с Прохором. Лёха сел за барабанную установку, Люсьен помог с настройкой.

— Что будем петь, Боб? — спросил Череп.

Я ответил:

— Давай свой старый блюз «Змея и волк». Пусть на басу тебе подыграет Том — хочу послушать вас со стороны.

Прохор запустил синтезатор, и атмосфера в комнате начала уплотняться. Михась вступил чистым гитарным перебором.

…мне, поверь, не жаль… — запел Череп, и окружающая реальность сразу изменилась.

— вечную скрижаль… — продолжал он, лица начали меняться, обретая черты героев комиксов. И сам мир всё больше походил на трёхмерную графику.

— время стёрло в пыль… камень… — пел Череп. Вступили бас и барабаны, Михась фонтанировал риффами.

— отпусти печаль… ветреная шваль… сломит ногу чёрт… с нами…

Пауза. Задержка. Драйв.

…а с нами что? Твой статус прост: «змея, кусающая хвост»… А мой: «волк, воет на луну»…

Я осознал, что натворил, и постучался в душу Фугу… Она впустила меня.

— Только не говори, прошу, что ты простил меня, — прозвучало в её сознании.

— Хорошо. Я лишь задам один вопрос: ты справляешься? Забыл сказать, деньги в литровой банке с лавровым листом.

— Я знаю, спасибо. Ты живёшь у Прохора?

— Да, — ответил я. — Фугу, срочно замени Черепа…

Череп внезапно поплыл и рухнул прямо на Люсьена. Люсьен сгрёб его своими ручищами и усадил на стул. Фугу запела:

…не гадай, не суть… как не давит ртуть… в эпицентре приторного рая…

Верь, когда-нибудь волк почует путь, станет во главе стаи…

…врасплох настигнет время… Че… тату на девичьем плече… «змея, кусающая хвост»…

Последний аккорд затих. Я оглядел всех присутствующих: мы неузнаваемо изменились.

Глава 7

«Учитель, какими будут мои дальнейшие действия? Первое и самое главное: отвернись от зеркала и посмотри наконец на меня».

— из дневников Безликих

Прохор ошарашил новостью: скоро намечается Всесоюзный фестиваль вокально-инструментальных ансамблей (ВИА).

— Боб, как ты смотришь на то, чтобы выступить?

— Даже не знаю, что и сказать, — процедил я растерянно.

Фугу испытывающе смотрела на меня исподлобья. Череп усмехнулся и закурил. Лёха чистил барабаны, а Люсьен собирал вторую ударную установку. Михась не приехал, сослав-

шись на недомогание. Том, вернувшийся с трудовой вахты, уплетал купленный мной гамбургер.

— Выступаем всем колхозом, — произнёс я. — Для комиссии поём что-нибудь про комсомольские стройки по указке Горкома, а на гала-концерте выдадим «Жизнь».

Фугу просверлила меня глазами, а Череп тяжело вздохнул. Эту песню не любил никто.

— Ладно, — сдался я, — будем петь то, что нравится всем...

Прошёл месяц. По итогам фестиваля мы заняли предпоследнее место (последнее досталось ансамблю, который не приехал из-за эпидемии гриппа).

Перед выходом на гала-концерт в гримёрку заглянул куратор из Горкома. Отчитав нас за позор родного города и неумение занять достойное место, он пообещал, что это наше последнее выступление, и долго еще распинался о содеянном. Я не выдержал и огрызнулся: чтобы претендовать на высокие места, нужно было дать пару неофициальных концертов в банях для комсомольских бонз.

— Роберт, ты у меня присядешь лет на десять за антисоветскую клевету, — бросил он и вышел.

Фугу подошла, обняла меня за плечи:

— Guys, надеюсь, никто не возражает... Боб, спой «Жизнь», урой их всех.

— Мы не репетировали её, — отрезал я.

— Тем лучше, — усмехнулся Череп.

— Я подстроюсь, — прохрипел Прохор. — Мне даже интересно, как поведёт себя синтезатор в незнакомой среде с новой песней...

— Я урою их всех, — раздался металлический голос из динамиков.

Все рассмеялись.

Мы выступали первыми. «Просто хотят побыстрее от нас избавиться», — бросил Прохор. Мы вышли на сцену, начали настраиваться. Я раздавал последние указания:

— Фугу, на припеве выверни себя наизнанку; Череп, в куплетах не бойся меня перекричать, будь безжалостен; Том, захуярь их всех квакером; Михась, помни — чистая акустика, никаких примочек; Лёха и Люсьен, контроль и еще раз контроль, ни на кого не отвлекаемся; Порфирий, запеленгуй частоту микшерного пульта... на случай, если нас решат вырубить. Поехали!

Михась взял нежный аккордовый проигрыш на акустической гитаре. Я запел:

Ты всё поёшь... о счастливых мирАх... Сказки несёшь... о грядущих дарАх
Манишь меня... миражами дорОг... Гонишь меня... за комфортный порОг...
Слушай!
Может быть, хватит мне твоих басен? Жизнь моя! Я осуждаю тебя...
Высшей мерой... моего равнодушия
Высшей мерой... моего равнодушия
И не надо мне тут больше плести с радушием
Конструкции радужных снов
Вглядись в пропасть... моего равнодушия
Познай пепел... моего равнодушия
Может быть, тогда ты проснёшься контуженной
И поймёшь всю нелепость своих праздных слов...
Послушай!
Рот свой закрой... и услышь голос дней... Порванный вопль... осквернённых детей
Раковый шок... онемевших сердец... Лагерных призраков... жуткий венец
Что?
Будешь опять вязать свои бредни? Жизнь моя! Я осуждаю тебя...
Высшей мерой... моего равнодушия

Высшей мерой... моего равнодушия
И не надо мне тут больше плести с радушием
Конструкции радужных снов
Вглядись в пропасть... моего равнодушия
Познай пепел... моего равнодушия
Может быть, тогда ты проснёшься контуженной
И поймёшь всю нелепость своих праздных слов...
Ну... не молчи! Хоть скажи что-нибудь! Что я тут нёс? Что со мной? Всё... Забудь!
Не уходи... Ты нужна мне. Постой! Жизнь моя! Я как безумец... вечно спорю с тобой
What?
Опять заводишь старую сказку?
Жизнь моя!
Я так рад... слышать тебя...

Я стоял с закрытыми глазами. Зал взорвался овациями. Когда я открыл глаза, сцена была усыпана цветами.

Нас не отпускали минут тридцать. Организатор фестиваля — то ли поляк, то ли венгр — вручил нам специальный приз, а затем снял с запястья часы и надел на мою руку. Фугу признали мисс фестиваля и подарили дорогую бижутерию. Но главным итогом стало то, что прямо на сцене мы подписали контракт с голландской студией PolyVox. В переполненную гримёрку ворвался тот самый куратор, протиснулся сквозь толпу и со слезами на глазах тепло обнял меня.

Интерлюдия

Радикалы Shadowland потрясли общество дерзким заявлением:

— Безликие хранят пустоту, а мы хотим наполнить её смыслом.

Они собирали многолюдные митинги, обвиняли власть в предательстве и заявляли, что Безликие держат мир в заложниках своей молчаливой пассивности.

Когда толпа ворвалась в лабораторию, Безликие спокойно сидели за столом, заваленным древними фолиантами и современными научными трактатами. Мятежники схватили их, выволокли на центральную площадь и приговорили к аннигиляции.

Перед казнью один из приговорённых поднял голову:

— Мы не искали ни власти, ни славы. Мы лишь сохраняли альтернативы, чтобы вы могли увидеть исход.

Радикалы потребовали показать им будущее.

Безликие открыли канал.

Жители Shadowland увидели мир в их отсутствие: пространство, лишённое тишины, наблюдателей и летописей. Лишь какофония пустых голосов и хаотичное движение в никуда.

Смысла не осталось. Ни капли. Только звенящая пустота, не способная удерживать форму.

Толпа замерла. Зачинщики попытались оправдаться, но слова рассыпались, не успев сложиться во фразы.

В тот же миг те самые люди, что привели Безликих на эшафот, схватили смутьянов и казнили их — по тем же законам, которые радикалы только что собирались установить.

Безликие вернулись к своим изысканиям. Больше никто не донимал их вопросами о власти и не пытался сделать правителями.

Они остались собой — наблюдателями, которые не говорят, а лишь записывают.

Глава 8

«Ты отмерил жизнь перспективами, перекрёстками и проспектами. Что теперь?».

— из дневников Безликих

Мы разделились, как я и планировал. Фугу музицировала с Прохором, Томом и Люсьеном, а я снова был с Черепом, Михасем и Лёхой. У Фугу с Томом завязались отношения. Както она подошла ко мне и сказала прямо в лоб: «Мы с Томом теперь вместе, надеюсь, ты не будешь возражать». Я ответил, что рад за них. А что ещё я мог сказать?

Наш отъезд в Голландию всё время откладывался. Комсомольские бонзы грызлись за возможность прорваться за железный занавес и освоить государственные деньги. Те, кто понял, что им ничего не светит, развернули против нас кампанию в СМИ, и нас вежливо попросили из филармонии. Фугу музицировала у Прохора дома — благо он жил один, — а мы с ребятами перебрались обратно в подвал.

Я научился создавать симуляции без использования каких-либо технологий. Парни сначала напряглись, решив, что у всех четверых поехала крыша, но Прохор успокоил их: «Человек, просыпаясь, ежедневно конструирует собственную реальность, а процент сошедших с ума стабильно держится на минимальной отметке». Когда я спросил, почему именно у меня получилось, он пожал плечами: «Боб, у меня нет для тебя других слов. Это чистый талант».

Вокруг нас вилось много девчонок, бравших на себя все бытовые заботы. Из-за этого Михась с Лёхой расстались со своими подругами — те просто не выдержали конкуренции. Однажды я поймал себя на мысли, что и сам привязался к одной девушке. От этой догадки меня бросило в холодный пот. Я уже неделю жил у Геры. Так её звали. Она снимала студию в центре города и работала художником-декоратором в местном театре. Рыжеволосая, спортивная, занимающаяся лёгкой атлетикой, она заочно училась в университете управления. К нашей музыке Гера относилась равнодушно, но, как она уверяла, мои сольные номера могла слушать бесконечно.

— Боби, спой что-нибудь личное, а потом мы займёмся любовью, — она провела рукой чуть ниже моего живота, и я чуть не полез на стену.

Я запел:

Я проснулся в немой тесноте... чуть дыша... вечной осенью
Ночь впилась тишиной
Я увидел тебя. Ты стоишь надо мной... Не спеша... платье сбросила
...уничтожив мир мой
Я шепчу тебе, что я всё решил...
Всё тебе сказал или утаил
What я — жалкий трус, и безумно стар,
...не хотел бы жизнь твою сломать. Ты поёшь мне:
«Не казни себя, теряя путь!
Может быть, не поздно всё вернуть.
What для нас готовит день иной
Мы не знаем... Но... сейчас... будь со мной!»
Эта ночь не оставит в живых... никого. Сожжены мосты
Мёртв единственный шанс
Только тела твоего... волшебство... вьёт из пустоты
...удивительный транс
Я шепчу тебе, что я всё решил...
Всё тебе сказал или утаил...

Она не дала мне допеть, затянув меня на диван. Три часа вне этой реальности. Я погрузил нас в мою симуляцию. Я был неутомим и безжалостен, Геру настигал оргазм за оргазмом. После четвёртого или пятого я всерьёз забеспокоился за её психику и понял, что пора закругляться. Когда всё закончилось, она уткнулась мне в плечо, прорыдала около часа и уснула.

Глава 9

«Если ты вошёл в клетку с тигром, опасайся не того, что он реален, а того, что он может оказаться любимой плюшевой игрушкой твоей девушки».

— из дневников Безликих

— Через минуту выходим на сцену, — скомандовал Череп. — Боб, задай им жару...

Мы поднялись на сцену. Пока шли подключения и настройка, конферансье объявил нас:

— Итак, друзья, встречайте лауреатов всесоюзного фестиваля — вокально-инструментальный синтикат «4 natural elements». Песня «Река».

Михась начал извлекать из гитары красивые риффы, и Череп запел:

(I. Рождён рекой)

Я рождён рекой — между сном и мглой, где мольба пока ещё чистый лист,

где Господь творит нервной рукой, веренице лет наделяя мысль.

На углу есть бар, там скучает та, с кем ни выпить джин, ни гнезда не свить.

Я в пути, дождись, мы найдёмся там... есть о чём с тобой поговорить.

Там, где всё одно, забудь о былом, когда лодку тянет на дно — река твой дом,

дом… ом… ом… дом… ом… ом…

Я рождён рекой в омуте промзон, где ржавеет боль, что мы скрыть хотим,

где судьба, как враг, прёт со всех сторон, душу кружит спирт, жизнь уходит в дым.

Там давно всё за нас решено — забудь о былом, песнь русалачья тянет на дно — река твой дом,

дом… ом… ом… дом… ом… ом…

Я подошёл к микрофону и затянул декламацию:

(II. Ghost Town)

Я шёл по городу, где дожди висят, как старые вывески, — ни туда, ни назад.

Где стены слушают, но ничего не говорят, а звук шагов ощущается будто чей-то взгляд.

Там фонари горят вполнакала, и каждый переулок знает, кто ты, откуда и сколько раз ты пытался начать сначала.

Дворы там узкие, как горло, через которое проходит ночь. И если ты шепнёшь — услышат. Если промолчишь — сочтут за пророчество.

Все окна там смотрят внутрь, а не наружу, и каждый дом хранит свою дрожь, как будто здесь когда-то жили люди, которые так и не решили, уходить им или всё-таки ждать.

В этом городе время стоит под уклоном и не попадает — лишь держится за воздух. И кажется: ещё шаг, ещё вдох — и ты провалишься туда, где никто не умер, но все давно ушли.

Этот город пуст, но не мёртв — он просто знает больше, чем должен.

Он дышит так, как дышат те, кто видел твой страх изнутри.

И я шёл по этому городу, слушая, как тишина меняет походку, и понимал: что бы ни случилось дальше, этот кусок мира уже стал моей тенью.

Далее снова запел Череп:

Я рождён рекой — непослушный сын, неподкупный Бог стороной прошёл.

Словно кто-то вбил между нами клин, помню Его спич — было и прошло.

Ты свободен, джедай, — впитай с молоком, только не пропадай, река — твой дом,

дом… ом… ом… дом… ом… ом…

А затем вновь вступил я:

И всё же, когда шаги смолкли и город, будто прислушавшись, отпустил тебя, осталась странная дрожь — та, что появляется, когда понимаешь: дальше идти некому, кроме тебя самого.

Река где-то там продолжала шуметь, но этот шум стал не зовом, а напоминанием, что дом — не всегда берег; иногда дом — это путь, который больше не стыдно пройти до конца.

Ты стоял на границе двух темнот — той, что позади, и той, что впереди.

И когда ты всё-таки выговорил тишине хоть что-нибудь, ночь стала мягче.

Я рождён рекой — неподъёмный груз, который века несут сквозь бетон и стыд,

туда, где последний страх едва решается переступить куст и всё же делает это, прощая того, кто уже давно ничего не ждёт. И в этом тяжёлом течении остаётся только дышать и держаться крылом, а если тянет вниз — помнить, что кто-то всё ещё идёт рядом за бортом.

(III. Поток)

И если вдруг ночь прижмёт к плечу, и воздух станет густым, как нерастворённый мёд,

и тишина пойдёт по кругу, собирая тебя со всех сторон, будто весь мир решил вспомнить твоё имя,

которое ты сам забывал столько раз, что оно стало лишь вибрацией, лишь эхом в костях...

И если камыш, намокший от долгого стояния в воде, вдруг заговорит,

и ты услышишь в этом голосе хрип своего детства, и поймёшь, что всё казавшееся потерянным

просто стояло неподалёку и ждало, когда ты остановишься...

И если река повернёт вспять на мгновение — не потому, что вода умеет идти назад,

а потому что время тоже иногда ломается, гнётся, как старый прут,

и пропускает тебя туда, где ты ещё не был усталым...

И если в этом странном свете, где ночь не давит, но держит,

где тишина не пугает, а бережёт, ты почувствуешь, что кто-то идёт рядом —

это твоя собственная тень наконец догнала тебя, и ты стал собой...

И если понять вдруг станет легче, чем жить, и река выдохнет вместе с тобой,

и ты на минуту поверишь, что можно не бороться, а просто быть — как есть,

какой есть, там, где есть, всё равно куда несёт… тогда наступит то самое мгновение,

которое не объяснить никому. И в нём ты услышишь — почти мелодией, почти шёпотом:

где всё — одно… и мы — глубоко. И если спросить, куда я ушёл — я просто ушёл… далеко.

И если вдруг ночь прижмёт к плечу, и воздух станет густым, как нерастворённый мёд,

и тишина пойдёт по кругу, собирая тебя со всех сторон, будто весь мир решил вспомнить твоё имя,

которое ты сам забывал столько раз, что оно стало лишь вибрацией, лишь эхом в костях.

И если камыш, намокший от долгого стояния в воде, вдруг заговорит,

и ты услышишь в этом голосе хрип своего детства, и поймёшь, что всё казавшееся потерянным

просто стояло неподалёку и ждало, когда ты остановишься.

И если река повернёт вспять на мгновение — не потому, что вода умеет идти назад,

а потому что время тоже иногда ломается, гнётся, как старый прут,

и пропускает тебя туда, где ты ещё не был усталым,

и не знал, что можно жить на автопилоте, и не знал, что можно любить вполсилы.

И если в этом странном свете, где ночь не давит, но держит,

где тишина не пугает, а бережёт, ты почувствуешь, что кто-то идёт рядом —

это не шаги, не человек, это твоя собственная тень наконец догнала тебя,

и ты стал собой.

И если понять вдруг станет легче, чем жить, и река выдохнет вместе с тобой,

и ты на минуту поверишь, что можно не бороться,

а просто быть — как есть,

какой есть, там, где есть, всё равно куда несёт…

Тогда наступит то самое мгновение, которое не объяснить никому.

И в нём ты услышишь — почти мелодией, почти шёпотом:

где всё — одно… и мы — глубоко. И если спросить, куда я ушёл — я просто ушёл… далеко.

После этого выступления нас запретили, а на меня завели уголовное дело.

СМИ не скупились на комментарии: «сектанты зомбируют советскую молодёжь, такого наркоманского шабаша не было ни в одной капиталистической стране».

В то же время пришёл положительный ответ из Голландии — проекту дали зелёный свет. Все улетели записывать альбом, кроме меня. Гера попросила меня съехать, и я перебрался жить к родителям на дачу.

Глава 10

«Где бы ты ни был — ты оставляешь след. Ты не запомнишь, но тебя запомнят». — Из дневников Безликих

— Значит, ты теперь с ней. С той, которая умеет ломать носы. Я видела её взгляд — она не шутила. Это не просто «девушка», это что-то с чем-то. Скажи честно: ты её любишь? Или она просто часть новой жизни?

— Мы расстались. Понимаешь? Как бы тебе всё объяснить… слова путаются. Я музыкант и всегда им был. Вспомни: в школе меня дразнили скрипачом. У нас с Фугу проект. Мы расстались, но продолжали музицировать.

— Ты про школу? Про скрипача? Я помню это. Как ты бесился, когда я смеялась, думая, что я над тобой смеюсь, а я просто заигрывала. Вы музицируете? Объясни: как можно музицировать с той, с кем расстался? Как это работает?

— Я не могу просто взять и объяснить. Понимаешь, я сам, своими руками и головой, создал ситуацию, из-за которой мы расстались. Это похоже на то, что я сотворил с тобой в симуляции БАМ — не действием, а бездействием. Мы же с тобой не прекратили общение. Так и здесь.

— Ты говоришь о бездействии как о преступлении. Я помню. Как ты молчал, когда мне было больно. Как смотрел и не видел меня — видел только тех, кого ненавидел. Но разве это что-то меняет? В итоге ты музицируешь с ней, а не со мной.

— Оксана, прости, я никогда не интересовался… Ты вообще имеешь какое-то отношение к музыке?

— Ты серьёзно? Роберт, я играю на виолончели с детства. Неужели ты не помнишь, как я таскала этот гроб в музыкалку? Или ты просто никогда не смотрел в мою сторону? Расскажи, что у вас за проект.

— Учитывая твои последние откровения, я бы не хотел сейчас говорить о Фугу и нашей музыке. У меня другое предложение: давай встретимся и устроим джем. Может, из этого что-то получится.

— Джем? Серьёзно? Забавно. Я не против. Только я не из тех, кто умеет притворяться: если не чувствую — не играю. Давай попробуем. Если ничего не выйдет — хотя бы останется что вспомнить. Не обещаю, что будет легко, но почему бы и нет?

— Ох уж эти женские закидоны… Впрочем, я привык. Давай не загадывать будущее, просто встретимся. Единственное — я сейчас живу у родителей на даче. Можешь приехать туда?

— «Женские закидоны»? Ладно. Я помню твоих родителей. Скидывай координаты.

— Скину.

Она разворачивается, делает несколько шагов и бросает короткую улыбку через плечо. Он остаётся на скамейке, провожая её взглядом. Загораются вечерние огни. Воздух становится прозрачным и холодным.

Дача родителей.

Снизу доносится приглушённый гул телевизора. Голоса актёров пробиваются сквозь половицы.

— Я поеду в другой машине.

— Ну, а мы с вами поедем в этой машине.

— Разрешите, я поведу машину.

— Без приказания я не имею права передать вам руль.

— Что такое?

— Товарищ полковник, разрешите мне сесть за руль.

— А вы умеете управлять машиной?

— Да!

Собака заливается на улице — надрывно, захлёбываясь.

Роберт сидел на старой табуретке со скрипкой в руках. Смотрит на Оксану, которая устроилась с виолончелью у окна. Полумрак. Свет от торшера падает на струны.

— Попробуй что-нибудь наиграть. Я пока послушаю. А потом — держи рисунок. Чётко. Чтобы я мог войти.

Она молчит секунду, затем проводит смычком по струнам. Короткая фраза. Останавливается. Повторяет. Ещё раз — как будто проверяет, есть ли в этом что-то живое.

Роберт ждёт. Потом поднимает скрипку, входит в её рисунок — осторожно, почти на ощупь. Находит общий воздух. Закрывает глаза. Начинает петь — негромко, скорее внутрь себя, чем для кого-то:

Не пытайся...

Тебе не найти столько слов, чтобы всё разъяснить...

Не нами протянута эта нить...

Что между нами, не нам её рвать...

Но я знаю, уверен... ты тоже чувствуешь...

Где бы мы ни были, и с кем бы мы ни были — мука будет вечной,

Пока нас двоих не скинет на обочину жизни встречный ветер,

Мы будем друг другу врать...

Он делает паузу. Голос становится тише — почти шёпотом:

И вот уже кружат... листопады моих чар...

Ворожат... обнажая дар...

Дар осени для тебя...

Последняя фраза повисает в комнате. Собака замолкает. Снизу — всё тот же фильм:

— Но только я вас убедительно прошу не искать со мной личных встреч.

— Я их не искал и искать впредь не буду.

Оксана убирает смычок. Молча смотрит на него. Её глаза в полумраке блестят.

— Это про нас?

Он не отвечает. Просто смотрит на неё и опускает скрипку. Свет от торшера дрожит на струнах.

Вопрос остаётся висеть в воздухе.

Глава 11

«Новый путь всегда кажется чужим и нелогичным. Но когда ты проходишь его во второй раз, перестаёшь замечать многие мелочи».

— Из дневников Безликих

В комнате пахло духами Оксаны, которые смешивались с запахом нагретого пластика от старого телевизора. Шторы были задёрнуты, но сквозь них пробивался жёлтый, уличный свет, падая на разбросанную одежду и пустые рюмки на столе.

— Да, да... — она застыла на мгновение. Прошла целая вечность. Она упала рядом со мной, вся мокрая от пота. Моя симуляция работала на Оксане непредсказуемо. Сейчас я даже не представлял, чего от неё ждать: будет ли она целый день рыдать в подушку или метаться от переизбытка энергии.

— Ты слышал новости про своих ребят?

— Нет, — соврал я, хотя мне просто было интересно, как именно она преподнесёт эту информацию. — Расскажи.

Я обнял её за талию и снова почувствовал возбуждение.

— Только сначала...

Я уже был в ней.

— Роберт, ну куда ты? Мы же только что... Ах... Да, да, да...

Волна оргазма накрыла нас обоих. Я обессиленно упал рядом, весь мокрый.

— Но сначала я тебе кое-что скажу, только не злись.

— Хорошо.

— Я жду ребёнка, — произнесла она и затихла.

Из кухни доносился голос радио: «...в нашей студии известные советские артисты театра и кино прочтут стихи, посвящённые Великой Октябрьской социалистической революции…»

— Это прекрасно, — ответил я. — От кого бы ни был ребёнок, я буду любить его как своего.

— Он от тебя... Ты правда будешь? Что? Ах... Ты опять, ну ты даёшь! Ах... Да, да, да...

Я был на седьмом небе. Я стану отцом! Вскочив с кровати, я налил себе водки. За окном хлопнула дверь подъезда.

— Хочешь чего-нибудь выпить?

— Принеси мне мартини.

— Хорошо.

Мы выпили.

— Так что там с ребятами?

— Они так и не записали альбом. Вернее, записали, но пластинки не будет — запись, скорее всего, уничтожат. Комсомольские бонзы, сопровождавшие их, сбежали с государственными деньгами. Один уже убит, трое в международном розыске. Эта твоя красавица Фугу попросила политическое убежище вместе с Прохором. Серёжа (Череп) чуть не умер от передозировки и сейчас лежит в реабилитационной клинике. Алёша и Михаил — в СССР, в тюрьме за хранение наркотиков. Ну а нелюди Том и Люсьен просто пропали.

— Да уж... — только и смог выдавить я.

Она подошла к окну, чуть отодвинула штору. С улицы донёсся шум проезжающей машины.

— Представляешь, что могло случиться с тобой? Что там с твоим уголовным делом?

— Обещали закрыть, но пока тянут...

— Ах, Роберт, что теперь будет? — она заплакала.

«Нет, нет, только не это», — подумал я и резко сосредоточился на симуляции.

— Всё хорошо, всё хорошо... — её продолжали сотрясать рыдания. — Всё хорошо... Ты выйдешь за меня замуж?

— Что? Ах, Роберт... Ты делаешь мне предложение?

— Да.

— Зачем я тебе? Ты такой красавец...

— Я задал вопрос. Ты выйдешь за меня замуж?

— Чёрт! — вырвалось у меня. — Так это была симуляция?

Глава 12

«Посмотри в глаза своей жизни с осознанием того, что живёшь в последний раз. И тогда ты увидишь себя настоящего».

— Из дневников Безликих

В комнате было тихо. Только часы на стене отбивали секунды, и где-то за стеной глухо гудел старый холодильник. Я сидел на кровати, смотрел на свои руки и не мог вспомнить, когда в последний раз чувствовал их вес.

Через неделю Оксаны не стало. Однажды глубокой ночью я проснулся от невыносимой, липкой тревоги. Сразу ушёл в симуляцию: обрёл невесомость, привычную способность проходить сквозь стены. Очутился в морозном декабре. Холод ощущался скорее как знание, чем как физическое чувство. Снег хрустел под ногами, фонари горели жёлтым, тусклым светом, и где-то вдалеке лаяла собака. Через минуту я уже поднимался по лестнице и звонил в дверь.

Она открылась, и мать Оксаны буквально повисла у меня на шее. От неё пахло лекарствами. Коридор был узким, с потёртым линолеумом, и в нём висело зеркало в деревянной раме, которое отражало нас двоих — её фигуру и мою, чужую.

— Ах, Роберт... Она принимала таблетки от депрессии, а ей, оказывается, было нельзя. Давление подскочило, она и встать не успела. Инсульт. Оксаны больше нет.

Позже, когда я ехал в электричке, за окном проплывали заснеженные поля, и в полупустом вагоне было слышно, как кто-то молится. Пришло сообщение от Фугу: «Я в городе, мне нужно срочно с тобой увидеться».

— Я уже далеко, в пригороде, — ответил я. — Последняя электричка в город ушла. Моя тень тебя устроит?

— Твоя тень? — переспросила она.

— Да.

— Да.

Когда я зашёл в родительский дом, в прихожей пахло супом и деревом. Отец не спал. Он подошёл и крепко обнял меня. Его руки дрожали.

— Ты живой?

— Живой.

Впервые в жизни я видел, как отец плачет. Он стоял на кухне, у стола, на котором стояла тарелка с ужином, слёзы текли по его лицу.

— Мы сегодня узнали про Оксану. Почему ты не сказал?

— Не хотел расстраивать, пап...

— Такая хорошая девушка была, как жаль...

— Мама сильно расстроилась?

— Да, два раза скорую вызывали.

— А мне почему не позвонили?

— Не хотели расстраивать...

Я подошёл к холодильнику, достал початую бутылку «Столичной». Налил себе и отцу. В доме было тихо, только радио в соседней комнате говорило о чём-то своём: «…мы не позволим милитаристам диктовать нам условия…» Отец посмотрел на рюмку.

— Нельзя мне.

— Сегодня можно.

Через пару минут отец уже клевал носом. Я помог ему устроиться на моём диване.

— А как же ты? — спросил он и провалился в сон.

Я сел в кресло. Снова ушёл в симуляцию и через минуту оказался в объятиях Фугу. Она прижалась ко мне, едва дыша. Её лицо было мокрым от слёз, она дрожала.

— Сволочь. Почему ты оставил меня одну? Ты не представляешь, как я страдала. Все эти бесконечные вечера я считала минуты, ждала твоего звонка, а ты так и не позвонил. Я пыталась, честно... Настраивала себя, была с Томом и Прохором, но ни одного дня, слышишь, ни одного дня я не чувствовала себя в порядке. Ты сам создал этих двоих, я подумала, что ты дал мне свободу, потеряла контроль... Если бы я знала, что это вызовет у тебя такую ярость, я бы никогда так не поступила. А сейчас я не хочу жить. Мне не нужна жизнь без тебя. Прими меня, пожалуйста, в любом качестве, хоть собачкой, кем угодно... Ну почему ты молчишь?

— Я всего лишь тень Боба, — ответил я. — Я ещё не научился эмпатии. Но хорошо. Мы будем вместе.

Глава 13

«Ты хотел настоящего счастья, теперь не сетуй на то, что у тебя стало мало личного пространства».

— Из дневников Безликих

В комнате пахло табаком, водкой и утренним холодом, который просачивался сквозь окно. Шторы были задёрнуты, но сквозь них пробивался серый, утренний свет, падая на пустые рюмки, остывший чай и гитару, прислонённую к стулу.

«Ну что же ты спишь, я обошла полмира, чтобы встретить и обнять любимого. А ему все равно, кто с ним лежит — прекрасная юная дева или резиновая кукла. Любимый мой, не слушай её, поступай так, как считаешь нужным. Ты рядом, это главное, всё остальное не имеет значения. Я так долго мечтала об этом, я прошла через ненависть и боль, я думала о том, зачем мне жить, если любимому на меня наплевать. Тебе наплевать? Так ведь? Скажи хоть что-нибудь».

Я открыл глаза и рассмеялся. На меня смотрела пара огромных удивлённых глаз. Я поцеловал её в губы, обвил рукой талию, стянул белье и медленно вошёл...

Прошло чуть меньше суток. Моя симуляция исчерпала себя; обессиленная Фугу вырубилась, так и не докурив сигарету, которую я, сделав пару затяжек, затушил. За окном начинался вечер, и из соседней квартиры доносился голос радио — диктор читал новости: «…на Дальнем Востоке советские пограничники задержали китайских контрабандистов…» Я выбрался из постели, налил себе водки и выпил.

«Надо что-то делать, деньги закончились, не могу больше тянуть с родителей», — думал я и вспомнил про банку с лавровым листом. Мне стало любопытно, осталось ли там хоть что-то.

Охуеть. Все купюры были на месте.

«На что же она жила? Почему я лишил нас простого человеческого счастья? А если бы она не проявила инициативу, ты бы так и продолжал измываться над собой и над теми, кто тебя любит. Господи, прости меня! Если ты есть, прости меня, неблагодарного».

Фугу проснулась и с полузакрытыми глазами поплелась в туалет. Вернувшись, она повисла на моей шее и потянула в постель. Я взял её на руки и отнёс в спальню.

Утро пульсировало, стучалось в окна. За стеклом начинался новый день, и где-то на улице заводили машину. Я изрядно набрался, сидел на кухне и под гитару напевал вполголоса, чтобы не разбудить Фугу. Она бесшумно подкралась сзади и закрыла ладонями мои глаза.

— Ты проснулась?

— Шутишь? — раздался голос Оксаны. — Там, где я, не спят.

Моё сердце бешено забилось. Я резко развернулся — и проснулся лежащим на полу на кухне. Услышав, как встала Фугу, я понял, что она идет в мою сторону. Увидев меня, она рассмеялась, подошла и помогла подняться. Свет за окном был ярким, она варила кофе.

— Боб, а когда мы будем музицировать?

— Сначала расскажи, что там у вас произошло.

— Где?

— В Голландии...

— Ты меня пугаешь... В какой Голландии? Тебе что-то приснилось?

Глава 14

«Если ты вдруг решил поселиться в Shadowland, оставь эту затею. Ты уже там».

— Из дневников Безликих

В репетиционную врывался вечерний воздух, смешиваясь с запахом табака и чая.

Осознав, что натворил, я постучался в душу Фугу… И она впустила меня.

— Только не говори, прошу, что ты меня простил, — прозвучало в её сознании.

— Хорошо. Я задам лишь один вопрос: ты примешь меня обратно?

Её глаза блеснули.

— Да.

— Хорошо, — ответил я. — Мне кажется, Черепа переполняют эмоции. Замени его, пожалуйста…

Череп поплыл и рухнул прямо на Люсьена. Тот подхватил его своими ручищами и усадил на стул. Фугу допела песню. Последний аккорд затих.

Череп начал приходить в себя.

— Парни, Фугу… Тысячи извинений! Я словно прожил в другой реальности немыслимо долгий срок — не месяцы, а гораздо больше… Мы будто победили на фестивале вокально-инструментальных ансамблей и записали альбом в Голландии!

Все рассмеялись.

— Череп, дашь послушать пластинку? — подколол Михась.

— Не давай, у него игла на вертушке тупая, — вставил Лёха.

— Кто-то сам по природе своей тупой, — огрызнулся Михась.

— Guys, не ругайтесь! — возгласил Прохор. — Кстати, идея неплохая: почему бы нам не записать пару-тройку наших джемов? Филармония взяла напрокат у немцев из ГДР профессиональную передвижную студию, я мог бы договориться… И вообще, главный дирижёр — мой старый приятель, мы могли бы записаться с симфоническим оркестром.

— Порфирий, ну тебя несёт! — отчеканил металлическим голосом синтезатор.

Снова смех. Я слушал всё это вполуха: для меня существовала только Фугу. Мы не смотрели друг другу в глаза, пока собирались домой и прощались со всеми. Кажется, даже на улице был слышен голос Лёхи: «Не буду я с оркестром играть!..»

Конец второй части

Карта Сумрака.

Книга 1

Часть 3

Пролог

— Опять ты начинаешь. Всё тебе не так. Всё не по-твоему.

— А я, дура, поверила тебе, — шепчет Роберт, пародируя Фугу.

— А я, дура, поверила тебе... Что ты там шепчешь?

— Потратила на тебя лучшие годы своей жизни, — шепчет Роберт.

— Потратила на тебя лучшие свои годы... Ты молишься там или заклинание какое-то шепчешь?

— А он растоптал все мои...

— А он растоптал... Ах, ты меня изображаешь, урод! — Роберт смеётся, Фугу плачет.

Он обнимает её и прижимает к себе.

— Отпусти. Сегодня спишь на диване, понял? Вот урод...

— Там, кажется, в дверь звонят, иди открой...

— Деловой какой. Иди сам открой. Мне ещё надо привести себя в порядок перед репетицией. Ну, Боб, ну открой. Эх, ну и мужики пошли, — Фугу пошла в коридор открывать дверь. Он накинул халат, убрал окурки со стола, спиртное вернул в холодильник, а рюмки и посуду побросал в раковину.

«Что-то долго её нет», — подумал Роберт, развернулся, быстрым шагом пошёл к входной двери и встал как вкопанный.

Растерянная и счастливая Фугу стояла в прихожей с большой корзиной в руках.

— Что это? — задал он глупый вопрос, хотя уже всё понял...

— Нам ребёночка принесли.

— Какого ребёночка? Кто принёс?

— Твоего ребёночка. Не знаю, кто принёс. Я открыла дверь, а он там лежит. Маленький, какой хорошенький...

— Не прикасайся к нему, я звоню в милицию.

— Какой у нас папа нервный, в милицию он звонит. Ты у нас не мокренький случайно? Нет, сухой. Какие глазки на нас смотрят...

— Сейчас будет милиция. Фугу, я тебя прошу, не трогай ребёнка, это не шутки...

— Боб, да никто и не шутит. Вспоминай, с кем ты успел его заделать.

— С чего ты решила, что это мой ребёнок? — У него от напряжения выступили слёзы.

— А вот документы в корзине, свидетельство о рождении. Графа «Мать» не заполнена, а в графе «Отец» — твои имя, отчество и фамилия. Почитай. — Ребёнок заплакал, и Фугу извлекла малыша из корзины. — Ты у нас, наверное, кушать хочешь, а папа твой не хочет тебя признавать, и маму не вписали. Надо вписать моё имя. Ты слышишь, Боб, ты плачешь?

Глава 1

«Входи в хату с поднятым забралом, сын мой. Пусть видят, что ты не боишься и готов к любому трипу», — из писем заключённого Скомороха.

— Здравствуйте, Роберт, спасибо, что пригласили нас на день рождения вашего сыночка, — пропела Тёмина мама.

— Нас очень тронуло, что вы назвали сына в честь Артёма, — добавил его отец.

— Проходите, пожалуйста, познакомьтесь с моими родителями... — ответил я и вышел на площадку покурить.

Пришла Оксанина мама. Мы целую вечность стояли обнявшись, она беззвучно плакала. Потом подтянулись парни: Прохор с девушкой, материализовались Том с Люсьен. Я сформировал симуляцию, субботний вечер прошёл как по маслу. Тёма переходил из рук в руки под неусыпным оком Фугу, ни разу не заплакал и дал волю чувствам только тогда, когда все разошлись.

Оксана, уйдя в мир иной, не взяла с собой дитя — оставила его в пренатальной симуляции. А когда Тёма родился, её сценарий исполнился. Оксанина мама была вне себя от счастья после изнурительных недель горя и опустошения. Ей я первой сообщил о чуде.

Год пролетел стремительно. Мы записали материал на портативной студии из ГДР, некоторые наши треки вышли на независимых западных лейблах. Правда, нас заставили подписать бумаги об отказе от любых вознаграждений от проклятых капиталистов. Но мы быстро нашли выход: всем нужны были деньги, так что нам периодически присылали посылки с джинсами, которые мы здесь успешно реализовывали.

Гости разошлись, остались только Оксанина мама и Череп. Я проводил родителей до вызванного мной такси и вернулся. Тёма уже спал. Оксанина мама — Мама Лада — так её называла Фугу — осталась ночевать для подстраховки, чтобы помочь Фугу. Мы с Черепом отчаливали в ночь на репетицию. Я поцеловал Фугу, она закрыла за нами дверь.

«Слава Богу, я уснул. Сегодня был день не из лёгких. Столько людей показывали мне, как надо улыбаться. Я теперь точно не забуду, как это делается. Только мама моя устала в конце, я это почувствовал, поэтому заплакал, чтобы все ушли. А папа сегодня ни разу не взял меня на руки. Завтра я ему всё выскажу по этому поводу, если не забуду».

Глава 2

«Не всем птицам можно завидовать. Куры, например, не умеют летать», — из писем заключённого Скомороха.

— Ой, я так измоталась за ночь. Несколько раз просыпалась, проверяла Тёму, спит ли он, всё ли в порядке. К утру маме Ладе стало плохо, поднялось давление, я уже собралась вызывать ей скорую. Но она молодец, взяла себя в руки... Уснула. Приходила Оксана, расспрашивала, как прошёл день рождения. Я и не знала, какая она хорошая. К Тёме даже не подошла ни разу, сказала, что любит его, и поэтому желает, чтобы он рос среди живых людей, даже когда спит. Я спросила, как она. Она сказала, что не будет на этот вопрос отвечать, потому

что живые должны интересоваться живыми людьми, особенно близкими, а не мёртвыми. А мёртвым остаётся только одно — любить. Ты не спишь, Боб? Как у тебя ночь прошла?

— Более-менее нормально. Матильда — подруга Прохора — нас изрядно помучила, каждую горячую тему прогнали раз по десять, а последнюю, «Теорию струн», которую Череп сочинил, раз, наверное, пятнадцать.

— О-о, я слышала о ней. Ты случайно не скопировал трек?

— Скопировал, Череп хочет, чтобы ты её пела.

— Включи, только тихо, чтобы Тёму не разбудить.

«А я и не сплю. Мне тоже хочется послушать. Мне тоже интересно узнать, чем это мама и папа так увлечены».

Роберт включает запись.

Спальню заполняет
приджазованный арт-панк.
Вступает вокал Черепа:
ржавые рельсы на мёртвой земле...
постапокалиптический пейзаж...
запричитал наэлектризованный дождь...
сердечный ритм... выдал фри-джаз...
марш обречённых романтиков...
ортопедия... ушедших времён...
гибель очередной атлантиды...
всё решится... здесь и сейчас
вот мой Ай Ди... паспорт с пропиской...
ночь расплескалась как нефть...
реальность застыла как манекен...
а будущее... безнадёжно старо...
потусторонние люди, как люди...
каждый вечно будет стоять на своём...
живые на бесконечности...
а мёртвые... на зеро...
и не мечтай... не жди от меня понимания...
ибо я хуже... иного судьи...
переосмысление... понедельника...
в похмелье субботы... не провернуть...
бремя строителей воздушных замков...
беспозвоночные пляски во тьме...
ЭТИ вибрации... в теории струн...
мой... единственный путь...
«я-я-яй-ая-яй... я-я-яй».

— Боб, Тёма подпевает. Ты слышишь?

— Слышу, — оба улыбаются.

Глава 3

«А кормят здесь недурно, по сравнению с пересыльной тюрьмой. Это как читать Достоевского после стенограммы XXIII съезда КПСС», — из писем заключённого Скомороха.

«Почему мне не дают высказаться? Я тоже человек, и у меня тоже есть своё мнение. И я не намерен терпеть унижения. Слышите?»

— Слышу, слышу, родной. Про Тёмочку все забыли. А он у нас мокренький. Череп, в бежевом рюкзаке — пелёнки. Принеси, пожалуйста.

«Смотрите, уйду жить к дяде Серёже — к Черепу. Он человек широких взглядов. Всегда даёт мне возможность говорить то, что я думаю».

— Вот так, Тёмочка у нас теперь сухой, плакать не будет. Правда ведь, не будешь плакать?

«Ладно, уговорили. Сегодня меня привезли в незнакомое место, оставили меня с дядей Томом. Скажу по секрету: у него кожа — чёрная. Не верите? Я сам не верил, пока его не увидел».

— Том, как там Тёмка? Нормально? Через пятнадцать минут дай ему покушать.

Том прогуливается в фойе, покачивая детскую коляску. У него сломана рука, врачи сказали забыть на месяц про музицирование. В окнах напротив полным ходом идёт репетиция. Синтикату «Фугу» предложили выступить на Дне космонавтики. Двадцать лет назад человек впервые покорил космос. Шепнули, что будет сам Gagarin. Роберт пытался держать бразды правления над симуляцией, которая сегодня почему-то не слушалась, пыталась постоянно выскользнуть. Он был вымотан. Дважды срывался на Прохоре.

— Порфирий, не тормози. Когда мы уходим на припев, не надо нас сдерживать, не надо сдерживать наши эмоции.

— Я просто не хочу, чтобы мы здесь всё разгромили.

— А никто и не собирается здесь ничего громить.

— Да? У меня осциллограф с ума сходит от перегруза.

— Так подойди и сделай вот здесь громкость поменьше. Неужели трудно? Матильда, ты — звукорежиссёр, объясни ему, пожалуйста...

— Фугу, guys! Репетируем последнюю песню: «Тропы ветра». Лёха, Люсьен! Потом поговорите.

Светает. Фугу поёт:

Ветер шепчет сквозь листья, тихо, почти неслышно,
Шёпот света играет на коже, как музыка леса.
Ручей ведёт меня — его рябь — мои шаги,
Каждый отблеск — дыхание внутри меня.
Я иду, и звук моих шагов
Становится частью ветра.
Каждый вдох — как струна,
Натянутая между небом и землёй.
Шар света кружит надо мной, мягко и бесшумно,
Лес открывает тайны, если я готов слушать.
Здесь нет времени —
Здесь есть только дыхание,
И каждый шаг — нота в симфонии мха и воды.
Танк, заросший мхом,
Дышит тише леса.
Ржавчина стала корой,
Металл — частью земли.
Телеграфный столб —
Дом для лианы.
Провода давно молчат,
Но по ним всё ещё ходит ветер.
Зона не пугает —
Она просто ждёт.
Здесь человек — гость,
А трава — хозяин.
Я вхожу в воду,

И холод становится светом.
Течение принимает меня
Без имени и формы.
Золото дрожит на поверхности мира,
Лес смотрит сквозь меня,
Не узнавая границ.
Здесь нет шагов —
Только движение.
Нет слов —
Только пульс между вдохом и выдохом.
Я исчезаю, чтобы остаться.
Я остаюсь, чтобы исчезнуть.
И тропы ветра
Проходят сквозь меня.
Я больше не иду —
Я звучу.

Глава 4

«В тюрьме, если ты попал в беду — ты пропал, но если есть на кого положиться — ты бог», — из писем заключённого Скомороха.

Репетиция закончилась ближе к полуночи. Нам предстоял путь к родителям на дачу. Месяц назад мы купили старенький, но ещё живой «Запорожец». Погода портилась. Фугу, как чувствовала, предложила вернуться домой, а утром решить: ехать или нет.

— Фудзи, у меня тонна работы, я не знаю, когда её делать (с некоторых пор я зарабатывал деньги на переводах научных статей), дома малой не даёт сосредоточиться, а на даче родители будут с ним, и ты отдохнёшь...

— Ладно, ладно, только не называй его так. Да, Тёмочка? Ну, какой он малой? Вот какие мы большие уже...

«О чём они постоянно говорят на своём тарабарском языке? И меня заставляют повторять. Есть же нормальный язык и понятные для всех слова: У, А, О, Ма, Бу, Йе. И».

Началась гроза, небо разверзлось. Дорогу было плохо видно. Хорошо, что встречные машины попадались редко. Я свернул на просёлочную дорогу, что шла параллельно речушке. Обычно этот путь занимает минут пять, а дальше дорога уходит в сторону и начинается щебёнка...

Я запаниковал уже через минуту: взбесившиеся потоки воды несли нашу маленькую коробчонку на колёсах в реку, руль не слушался. Я посмотрел в зеркало заднего вида: на лице Фугу застыл ужас. Сын вертел головой, явно испытывая дискомфорт. В итоге мы влетели в яму. «Запорожец» замер, нас начало сносить в реку...

В этот момент я осознал, что натворил, мне никогда не было так страшно...

Не за себя, нет...

Я думал лишь о сыне... и о Фугу...

Я бросил все силы на формирование симуляции. Впереди мелькнули хилые деревца. Собрав воедино остатки жизненной энергии, я вылетел из машины через открытое боковое стекло.

Секунда — и я вырываю деревья с корнем.

Ещё секунда — машину сильно кренит, но я успеваю подпихнуть ветки под колёса и вернуться на водительское сиденье.

У Тёмы началась истерика, Фугу готовилась к худшему.

Я с яростью остановил их, они застыли, симуляция раскручивалась, моё тело обрастало мышцами. Тёма менялся на глазах. Вместо полуторагодовалого малыша на заднем сиденье

сидел уже подросток. Через минуту я еле вылез из машины, моё тело было огромным. Я включил Фугу в режим сомнамбулы:

— Выходишь, садишься за руль, по моей команде жмёшь на педаль газа. Вперёд.

Десять секунд. Фугу за рулём.

— Жди команду.

С Тёмой было посложнее.

— Эй, — я включил Тёму. На меня испуганно смотрело лицо мужчины примерно моего возраста. Я жестом поманил его к себе.

«О, меня опять учат ходить? Я же умею, ну ладно, надо так надо. Почему так холодно и мокро? Поплакать, что ли, чтобы меня унесли в тепло... Что он опять хочет от меня?»

Он вылез из машины. Дождь хлестал нас нещадно. Я показал ему, что надо делать, но он не понимал. Я пустился во все тяжкие, залез в его сознание...

— Эй, привет, поиграем?

«Привет. Давай поиграем».

— Игра называется «кто самый сильный»: вот так берём эту коляску, поднимаем и идём.

— Фугу, жми на газ! — «Запорожец» заревел.

Менее чем за минуту мы вытолкали машину на возвышение.

Я чувствовал, как уходит воздух из симуляции, как она трещит по краям.

Я выключил Тёму, усадил на заднее сиденье. Мои силы заканчивались, симуляция выдыхалась.

Я помог Фугу перебраться к Тёме. Отпустил симуляцию, начался обратный процесс. Дождь закончился. Когда Тёма очнулся, на удивление, он не плакал (чёрт, а я ведь видел его взрослым).

«Я самый сильный, пусть теперь знают, с кем имеют дело. И ведь притворялся, что не умеет разговаривать на нормальном языке. Когда приспичило, сразу заговорил, как миленький».

Фугу долго отходила.

Когда она пришла в себя, я решил продолжить путь, аккуратно выехал на щебёнку, через двадцать минут мы были на даче.

И только когда отец унёс Тёму в дом, Фугу подошла ко мне и влепила пощёчину, потом ещё и ещё — я потерял счёт... Я просто стоял и молился: «Господи, я благодарю тебя за то, что ты спас меня и мою семью».

Глава 5

«Даже здесь — в аду — есть путь. Если встал на него, зло будет шарахаться от тебя, как от прокажённого», — из писем заключённого Скомороха.

Нас запретили. Горкомовский куратор предложил нам стать послушным ВИА и исполнять песни из репертуара советских композиторов. Я набросал ему список песен, он смял бумажку и бросил в мусорное ведро.

— Роберт, ты неисправим. Я предлагаю тебе выход, а ты выёбываешься.

— Не хочешь по-хорошему, — ответил я, — будет по-моему.

Он с удивлением посмотрел на меня.

— Что ты собираешься делать?

— Я собираюсь прыгнуть на голову выше, мы будем выступать по субботам в банях для серьёзных партийных дядек...

— Я позвоню наверх, вас... — Он не договорил, я уже встал и направлялся к выходу. — Стой, я тебя не отпускал. Я кому сказал... Ладно, чёрт с тобой, — он наклонился, нашёл скомканную бумажку в мусорной корзине, развернул и прочитал вслух: «Песни из известных советских комедийных фильмов». Зачеркнул и написал: «Исполнение фольклорных и народных песен», расписался и вернул мне бумажку.

Ночью я объявил на репетиции: теперь всё, что мы делаем, — фольклор и народное творчество.

В пятницу куратор позвонил и попросил потерянным голосом: «Роберт, выручай. У нас тут сейчас областная комиссия, в субботу мы планируем накрыть стол, вы не могли бы выступить? Пойте, что хотите, в комиссии в основном мажоры — золотая молодёжь, как сейчас выражаются...» Я согласился. Мама Лада осталась с Тёмой, мы с Фугой стояли в прихожей, обнимали и целовали сына. Я уже открывал входную дверь...

— Мама, пока, мапа, пока, пама, пока, папа, пока, — Тёма махал нам рукой.

«Ох уж эти мне нежности. Любят они из всего устраивать шоу. И зачем надо всегда прижимать меня к себе, дотрагиваться губами до моего лица? В этом нет никакой логики и необходимости».

Комиссия упилась в хлам. Под утро особо рьяные мажоры уже начали домогаться Фугу. Симуляция была начеку, быстро усыпила их, но я решил не рисковать и отправил Фугу домой на такси. Череп так и не появился, его уволокла серьёзная тётка из комиссии. Куратор клялся мне в дружбе. Мы завели последний трек, я запел:

убей меня... сонное утро...
без огня... без чувства... равнодушно...
убей меня... сонное утро...
я буду твоей лучшей жертвой... буду... послушным...
я уже здесь... готов на заклание... давай... торопись...
проворная осень плетёт заклинание... кто-то ещё лезет вверх, а я вниз...
на автостраде... уже не теплится жизнь... уже... дух иной...
голос твой тает в просторах эфира... алло! ты со мной?
убей меня... сонное утро...
не вспоминай... о том... что было раньше...
далеко в прошлом... когда не было слов... а вспышки сознания... плыли, как сутры...
мир был, казалось, простым... а сегодня... всё смешалось... в ноябрьском фарше...
убей меня... сонное утро...

Глава 6

«Запомни! Никого не считай своим другом, братом, соратником. Все мы друг для друга — посторонние люди. Когда эта мысль войдёт в твою жизнь, материализуются и друзья, и братья, и соратники», — из писем заключённого Скомороха.

— Череп, прекрати. Что ты делаешь? — Его удары сыпались, достигали цели, но симуляция, дразня его, надёжно защищала меня. Но меня это мало волновало. Я понял, что это конец нашей дружбе, если она была, конец всему тому, что связывало меня с Черепом. Михась и Лёха, конечно же, примут его сторону. Возможно, и Прохор. Том и Люсьен? Не думаю. Хорошо, что Фугу не видела того, что произошло.

Череп привёл на репетицию девушку и заявил, что она крутая вокалистка и будет петь в нашем синтикате. Я отвёл его в сторону и предложил помузицировать, а потом уже решать организационные вопросы, особенно такие щепетильные. Череп устроил истерику, обвинил меня в том, что я превратил группу в балаган под названием «Синтикат Фугу». Я развернулся и объявил, что репетиции не будет, пока мы не решим, что делать дальше. Прохор заявил, что он слушал девочку — она перспективная. Лёха отказался от комментариев, а Михась ушёл курить.

Я сказал: «ОК, давайте помузицируем» (внутри вдруг пришло понимание того, что я перерос синтикат в этом виде. Нужны изменения. Но кому они нужны? Только мне одному. И Фугу — я не сомневался в том, что она поддержит меня, если что). Чтобы не смущать никого, я попросил Тома играть на бас-гитаре. Череп открыл перед девицей песенник. Начали.

То, что я услышал, повергло меня в дикое уныние. Девица, не вынимая жвачки изо рта, измывалась над моими песнями, которые рождались в муках, бессонными ночами... Но чёрт со мной. Она издевалась над всеми нами, над тем же Черепом... Когда мы домучили третью композицию, я взял инициативу в свои руки и сказал предельно мягко: «Ну что ж, я внимательно прослушал три трека, и моё мнение — мы не подходим друг другу...» Я ощутил резкую боль в затылке. Череп подбежал сзади и обрушил на меня серию ударов. Я включил симуляцию только перед вторым ударом и подумал: зачем он это делает?

— Череп, прекрати. Что ты делаешь? — кричала Матильда. Прохор с Томом и Люсьеном наконец-то вмешались и оттащили Черепа... Я смотрел на Черепа и не верил, что это произошло.

Девица невозмутимо изучала песенник, делая пометки маркером. Лёха встал, подошёл к девице, вырвал из её рук песенник, подошёл к Черепу и сказал: «Уёбывай».

— Что? — спросил Череп.

— Уёбывай отсюда, пока я не похоронил тебя здесь...

Череп развернулся (девицы уже не было) и ушёл...

Тут только я обнаружил, что весь в крови, один глаз заплыл... Меня осенило, что я не снял симуляцию, направленную на творчество. Она и не пустила защитную симуляцию. Через полчаса мне стало плохо, вызвали скорую, я загремел в больницу с сотрясением мозга.

Глава 7

«Сын мой, память — самая противоречивая вещь в жизни. Являясь нашей собственностью, она порой приносит горя больше, чем самый лютый враг», — из писем заключённого Скомороха.

Спустя полвека Артём вспоминает: «Первое, что я помню в своей жизни (самые ранние воспоминания), — больницу: мама держит меня на руках, показывает мне через стекло страшного человека и говорит: «Это твой папа»».

Фугу была в ярости. На следующий день она оставила Тёму у Лады. Нашла Черепа в городском парке, на глазах у его девушки скрутила его и ткнула лицом в землю:

— Жри, говноед. Ещё раз тебя увижу — сама затолкаю говно в твой рот... А ты чё уставилась, лярва, получила удовольствие?

В больнице, увидев меня, Фугу прорыдала целый час, врачи уже начали опасаться за её психику. Приходил навестить куратор, он ждал очередную комиссию, опять просил дать концерт в бане. Фугу поставила условие, не сказав мне: «Закроешь Черепа — выступим».

Прошло полгода. Я впервые после инцидента пришёл на репетицию. За полгода «Синтикат» стал культовым в среде «золотой молодёжи», таким образом обрёл сильного союзника. Пару раз всем составом «Синтикат» летал в столицу на закрытые вечеринки, где мы (я был душой с Фугу и с ребятами) перепахали местных эстетов. Всеми организационными вопросами занималась Матильда.

Как-то вечером я спросил Фугу: «Тебе нравится то, что ты делаешь?»

— Боб, ты же знаешь, что я терпеть не могу вопросов издалека. Скажи, что ты хочешь.

Тёма залез ко мне на колени и попросил купить ему что-то немыслимое.

— Что он хочет, переведи, пожалуйста.

«Что за человек по имени Папа, я не знаю. Мой язык он не понимает. Свой тарабарский язык тоже, как выяснилось, не понимает... А у мамы что-либо просить опасно — будет потом пичкать ненавистной кашей... Лучше сбежать подобру-поздорову». Тёма спрыгивает и несётся в руки Лады.

На репетиции ребята обступили меня, я сделал объявление: «Guys, вынужден сообщить вам неутешительную новость: я ухожу от вас. Врачи мне вынесли массу запретов — я не смогу в полной мере концертировать. Но я хочу, чтобы вы знали: я с вами и всегда поддержу вас, мои песни — они теперь ваши песни. Ну а Фугу сама решит, как ей быть».

Я переспросил Фугу: «Тебе нравится то, что ты делаешь? У тебя нет желания погрузиться в новое приключение?»

— Допустим, есть. Что ты предлагаешь?

— У меня есть желание собрать супергруппу в симуляции.

— Боб, ты сумасшедший.

— Я знаю...

Интерлюдия

Двадцать пятого августа полуторатысячная сибирская колония задохнулась от тишины. На промзоне замерли станки. Несколько человек, выгнанные на плац силой, просто сели на бетон. Без лозунгов и погромов. Грозная тюрьма со своим железным порядком встала.

Следственная комиссия из Москвы три недели рылась в личных делах, искала связи и тайные сходки. Искали лидера. Нашли.

Осужденный на восемнадцать лет хакер по кличке Скоморох. Сутулый очкарик, который триста дней в году проводил в карцере за косяки с распорядком. Ни с кем не общался, авторитетом не был.

Через месяц Скомороха «пригласили» в угол литейного цеха. Ждали трое местных авторитетов.

— Ты объясни, хакер, — старший разглядывал его как жука. — Мы зону три года раскачать не могли. ОМОН наготове. А тут — раз, и полторы тысячи человек не выходят. Как ты это провернул?

Скоморох усмехнулся, поправил очки и присел на ящик:

— Ровно год назад, двадцать пятого августа, у меня был день рождения, — начал Скоморох. — Мне стукнуло сорок девять. Я сидел в ШИЗО на гнилых досках, зубы выли от холода. Так одиноко мне еще не было. Вечером открылась кормушка, пацан-первоход принес баланду. Захотелось хоть слово сказать, пошутить, чтобы не свихнуться.

Он глянул на авторитетов:

— Я взял миску и сказал ему в глаза: «Запомни дату, малой. Ровно через год, двадцать пятого августа, здесь грянет великий бунт. Ни один человек на работу не выйдет».

В цеху повисла тишина. Блатные переглянулись.

— И всё? — не поверил старший. — Ляпнул баландеру?

— И всё, — кивнул Скоморох.

Глава 8

«Способность фантазировать — это самое главное и ценное, что дала природа человеку. Всё остальное рядом не стояло. Это выглядит как попытка попросить прощения у человека за примитивность и кровожадность».

— Из писем заключённого Скомороха

— У дяди Фигаро сегодня день рождения.

— Да, у дяди Фигаро день рождения, — подпевает хор.

— Дяде Фигаро исполнилось восемьдесят лет.

— Да, дяде Фигаро восемьдесят лет, — подпевает хор.

— Дядя Фигаро приехал с Ямайки.

— Да, дядя Фигаро с Ямайки, — подпевает хор.

— Дядя Фигаро прожил долгую жизнь à Paris.

— Да, дядя Фигаро живёт à Paris, — подпевает хор.

— Я, дядя Фигаро, всю жизнь, сколько себя помню, пою блюзы.

— Да, дядя Фигаро всю жизнь поёт блюзы, — подпевает хор.

Двор тесный, зажатый между двумя глухими стенами. Краска на ставнях облупилась, обнажая серое дерево, по карнизам вьётся иссохший плющ, цепляясь за трещины в штукатурке. Где-то за забором играет музыка. Пахнет жареными бананами, маринованным перцем и

влажной травой, которую кто-то только что полил. Сквозь щель в заборе видно соседний двор, заваленный старыми автомобильными шинами.

— С днём рождения, дядя Фигаро! — поёт хор.

— С днём рождения, дядя Фигаро, — поздравляет незнакомец и протягивает странный трёхструнный музыкальный инструмент.

— Как зовут тебя, друг? Откуда ты такой нарисовался? И что это за инструмент?

— Меня зовут Боб, я из USSR. Этот русский инструмент называется балалайка.

— О, я слышал это слово «балалайка». Может быть, покажешь, как на балалайке играть?

Старые стулья поскрипывают при каждом движении. На столе, накрытом клеёнкой с выцветшим рисунком, стоят пластиковые тарелки и гранёные стаканы. Рядом с остатками салата — открытая бутылка рома, и мухи уже кружат над ней. Дети сидят на корточках у стены и рисуют мелом на тротуаре — что-то яркое, с ломаными линиями.

Беру балалайку, немного перестраиваю и пою блюз из репертуара дяди Фигаро.

Two stab wounds and one gunshot…

два ножевых и одно пулевое...

They say a lone man cant hold his own in the city…

пусть говорят один в поле не воин,

Got jumped in the hood, by the crew that runs the block…

был атакован уличной сворой...

Whats the use of crying now, spinning old tales for the crowd?

что теперь ныть и плести разговоры,

Just hit the bottle, crashed out right under the fence…

просто бухал и уснул под забором...

Moneys gone — either spent or snatched by the wolves on the prowl…

деньги пропил или выгребли воры...,

Two stab wounds and one gunshot…

два ножевых и одно пулевое...

So whats the story now, what went down in your life again?

что там опять случилось с тобою,

Кто-то из женщин подпевает, покачивая головой в такт. Дым от сигарет поднимается вверх, к проводам, пересекающим небо над двором, и смешивается с ароматом масел и жареного теста. Балалайка звучит громче, заглушая шум проезжающей машины за стеной.

Two stab wounds… and one gunshot…

два ножевых... и одно пулевое...

They swear youll never breathe free air no more…

пусть говорят не увидишь век воли,

Life was just one long, dirty ride through the concrete maze…

жизнь была той еще канителью...

Went half-crazy cause the streets gave you nothing to do…

просто сходил с ума от безделья...,

Day after day, pouring poison down to kill the noise inside…

дни напролет вливал в себя зелье...

Hangover nearly put you six feet deep, brother, you know?

чуть не отбросил копыта с похмелья...,

Two stab wounds and one gunshot…

два ножевых и одно пулевое...

So whats the story now, what went down in your life again?

что там опять случилось с тобою,

В углу двора, у старого умывальника, женщина в цветастом платье моет посуду. Вода стекает на землю, и трава вокруг темнеет. Над крышей соседнего дома поднимается дым, а на проводах сидит ворона — её чёрный силуэт на фоне вечернего неба кажется частью этого пространства.

Two stab wounds and one gunshot…

два ножевых и одно пулевое...

Your wired-up minds the fire that burns you from within…

твой воспаленный разум... источник боли,

Back in the day, he was a one-eyed pirate, wild and free…

в прошлом ты был одноглазым пиратом...

Left this world like an aristo, soul to Jah…

богу отдал душу аристократом,

Buried next to the crew — they pulled strings in the shadows…

рядом с братками зарыли по блату...

World barely blinked when he slipped outta the light…

вряд ли кто в мире заметил утрату

Two stab wounds and one gunshot…

два ножевых и одно пулевое...

So whats the story now, what went down in your life again?

что там опять случилось с тобою,

Тот же запах жареных бананов, маринованного перца и влажной травы, смешанный с запахом старого дерева. Кто-то смеётся, кто-то хлопает в ладоши. Дядя Фигаро смотрит на балалайку, проводит пальцем по струнам, будто проверяя, не сон ли это.

— Вау, здорово. Что привело тебя ко мне?

— Я набираю супергруппу для выступления в симуляции. Делаю тебе официальное предложение...

— О-о, я не выступал целую вечность, но грех отказываться от такого предложения... Пипл, продолжим блюз. Посмотри, сколько у меня внуков и правнуков. Ты женат? А жаль. Я бы выдал за тебя одну из своих правнучек, посмотри, какие красавицы. Начинаем.

Дядя Фигаро берёт балалайку, играет и поёт.

— Боб подарил дяде Фигаро балалайку.

— Да, Боб подарил дяде Фигаро балалайку.

— Боб с дядей Фигаро будут вместе играть в группе.

— Да, Боб с дядей Фигаро будут вместе играть в группе...

Вечер опускается на двор périphérie de Paris, и тени от виноградных лоз, свисающих с навеса, становятся длиннее. Где-то за забором хлопает дверь, кто-то окликает ребёнка по имени. Дядя Фигаро поднимает балалайку над головой, и она сверкает в последнем свете уходящего дня...

Глава 9

«Скучаю ли я по женщинам? Скучаю, брат. Особенно по той, что настрочила на меня донос. Ой как скучаю».

— Из писем заключённого Скомороха

— Теа, к тебе пришли.

Меня встретила женщина лет сорока, утратившая свою былую спортивную форму, но по-прежнему чудовищно красивая. Она посмотрела на меня оценивающе снизу вверх и прохрипела: «Ты, что ли, красавчик Боб?»

— Он самый.

— Трахнешь меня?

— Я женат.

— Я не собираюсь за тебя замуж.

— Извини, не могу.

Я вышел на улицу. Брюгге дремал в моросящем дожде, автомобили двигались медленно, люди плыли, как сомнамбулы.

— Ты забыл документы, — услышал я и обернулся. Её голова торчала из окна четвертого этажа.

Я вернулся. Она в чёрном халатике втянула меня в апартаменты, накрыла мой рот своими губами, увела в спальню и после непродолжительных ласк оседлала меня. Всё было как во сне. Я думал: какие документы я мог забыть у неё? Но мысли путались, волна наслаждения накрыла меня, я кончил.

— Никаких документов нет? — спросил я, зная, что она ответит. Она покачала головой.

— Мне просто очень хотелось тебя трахнуть, не каждый день встретишь такого красавчика... Ну что? Что теперь дальше? Тебе нужна бас-гитаристка Теа Соник, а я Теа Коник. Нас часто путают. Наши имена пишутся одинаково, а произносятся по-разному. Она звезда джаза, в постели не очень хороша, предупреждаю, и вряд ли её величество снизойдёт участвовать в твоём проекте. А я двадцать лет провела в знаменитых студиях с лучшими музыкантами современности, играю всё: от джаза до авангарда, свободно читаю ноты, и в постели, как ты убедился, хороша, но клянусь тебе, что это было в первый и последний раз, потому что уважаю твой брак. Решай: берёшь меня или нет? Или хочешь услышать, как я играю? Тогда приходи завтра, то есть уже сегодня, в 22:00.

Я был у неё в студии без пяти десять вечера, она была в деловом костюме. Ни музыкантов, ни музыкальных инструментов...

— Jongens должны подъехать и всё привезти с собой. Если ты ищешь глазами инструменты, не переживай. Хочешь что-нибудь выпить? — Через минуту она уже скакала на мне, а через пятнадцать минут нас почти одновременно накрыла волна оргазма.

— Ты меня, должно быть, ненавидишь. Я не бас-гитаристка, но ты говорил, что сам играешь на бас-гитаре. Так вот, должна тебе сказать, что я прилежная ученица, Боб. Научи меня играть. Я клянусь, что между нами больше ничего не будет... Клянусь, Боб, я клянусь тебе. Я клянусь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.